

Татьяна АЛЮШИНА

Я подарю тебе
ЛЮБОВЬ

Самое верное средство
завоевать любовь
другого человека —
подарить ему
свою любовь.

Татьяна Александровна Алюшина

Я подарю тебе любовь

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3027295
Я подарю тебе любовь: роман.: Центрполиграф; Москва; 2011
ISBN 978-5-227-02994-2

Аннотация

Лена Невельская не могла отказать Зое Львовне; конечно же она отвезет целебный цветок для ее знакомых. А вот засады такой молодая женщина не ждала, не думала, что ей устроят «смотрины», да и «предмет» – суровый неразговорчивый Денис Арбенин – явно был не в восторге от этого предприятия. Неприятный инцидент, о котором можно забыть. Но судьба распорядилась иначе, и Лене приходится добывать интервью у этого мрачного типа.

Книга также вышла под другим названием: «Красота по-русски».

Татьяна Алюшина

Я подарю тебе любовь

М-да, такой нелепости она никак предположить не могла!

При всем ее буйном и богатом воображении! Не то фарс, не то комедия положений, не то плохая мелодрама с бездарными актерами. Картина художника-передвижника «Не ждали!» или ее современный аналог, передача «Слава богу, ты пришел!».

Стояла, точно не пойми какой умственной загруженности барышня, замерев на пороге комнаты, с цветочным горшком в руках, не зная, как реагировать – возмущаться или смеяться.

А ведь поди догадайся, когда ничего и намеком не предвещало в таких теплых тонах соседской родственной взаимопомощи!

Вчера, вечером пятницы, Зоя Львовна, соседка по месту прописки и их с Васькой личный ангел-спаситель по призванию, практически член семьи, попросила об одолжении.

– Леночка, – немного смущаясь, проговорила после того, как Васька с Леной усадили ее, зашедшую на минутку, с ними почаяевничать, – у меня к вам просьба.

И так сказала, словно повинилась в страшном грехе.

– Для вас, Зоя Львовна, хоть звезду с неба! – пообещала Лена не задумываясь.

А о чем тут задумываться! Она Зою Львовну на руках готова носить круглый год, так благодарна за помощь неоценимую.

– Звезду не надо, – скромно улыбнулась соседка и поинтересовалась: – У вас на завтра какие планы?

– Еще до конца не утвержденные, – весело вставил Васька, потягивая горячий чаек из большущей личной кружки.

– Василий Федорович предлагает нанести визит бабушке с дедушкой и после посетить кинотеатр, – поделилась Лена перспективами выходного дня. И, заметив легкое разочарование на лице Зои Львовны, поспешила успокоить: – Но мы еще ничего не решили! Обсуждаем возможные варианты.

– А я хотела попросить вас, Леночка, завтра отвезти меня на вашей машине к друзьям, к Анечке с Васей. Я вам про них рассказывала, помните?

– Помню! – кивнула Ленка, что-то торопливо припоминая про упомянутую семью друзей соседки.

Надо будет Ваську спросить, он про жизнь Зои Львовны, всех ее подруг-друзей-родственников до десятого колена доподлинно и подробно помнит, вплоть до удостоверяющих лица фотографий из альбомов.

Память такая. Уникальная. И слушать, и запоминать он тоже умеет исключительно.

Ленка считала Василия гением, и никак иначе.

– Вы понимаете, – излагала между тем подробности Зоя Львовна, – обычно я с большим удовольствием и преспокойно добираюсь к ним на метро. У нас с вами метро рядом с домом, а у них надо пройти немного через дивный парк. Но, видите ли, мне необходимо перевезти Анечке домашнее растение целебное. А оно большое и тяжелое. Боюсь, в метро сломаю.

– Никаких проблем! – заверила Лена, выказав готовность к подвигам. – Во сколько надо выезжать?

– В том-то и дело, что не с утра, а часа в три дня, – позволила себе легонький вздох покаяния Зоя Львовна.

– Да хоть ночи! Зоя Львовна, ну что вы в самом деле! – возмутилась Лена от просительного соседкиного тона.

– Вы же наша семья! – поддержал Васька укором.

– Вы мне тоже родные, Василий Федорович, – собралась было пустить слезу Зоя Львовна, погладив Ваську по голове.

– Ну вот и договорились! – постановил он, предупреждая сентиментальную мокроту. – Значит, утром сходим в кино, Лена, на десятичасовой сеанс, успеем вернуться и пообедать.

– Василий Федорович! – взмолилась Ленка. – Давай хотя бы в одиннадцать, так тоже успеем, а я посплю подольше.

– Ладно, – подумав, согласился он и предупредил строго: – Но я тебя добужусь!

– И нисколько не сомневаюсь! – вздохнула над нелегкой долей Лена.

Васька называл ее Леной, она его Василием Федоровичем и Васькой, так у них повелось. Стороннему человеку странно, а им удобно и по нраву. Зоя Львовна, например, первое время не могла к этому привыкнуть, все удивлялась, но быстро приняла такую форму общения и сейчас сама чаще называла Василия по имени-отчеству.

Есть в нем такая основательная мужская солидность, вызывающая неподдельное уважение, мудрость недетская, и...

Очень много было в Василии такого, чего совсем не следовало иметь жизненным багажом в тринадцать мальчишеских лет!

Таким вот образом, «от всей искренней души», в половине четвертого субботнего дня Елена Алексеевна Невельская оказалась перед дверью друзей Зои Львовны, держа перед собой растение под народным названием «золотой ус».

С точки зрения Лены, малоэстетичный уродец, с нелепым, длинным, неубедительным стволом, к тому же подвязанным веревочками к воткнутой в горшок палке по причине собственной хилости, от которого торчали в разные стороны, как щупальца, отростки с венчающими их листиками на конце.

Про его многочисленные целебные свойства всю дорогу подробнейшим образом в восторженных тонах рассказывала любезная Зоя Львовна. Ленка кивала, подтверждая свое тщательное внимание к предмету научно-популярной лекции, пропуская большую часть информации мимо, старательно скрывая сомнение, что этот ужас может кого-то и от чего-то еще и лечить.

– Зоенька! Здравствуй, родная! – радостно поприветствовала хозяйка, распахнув двери.

Саму женщину Лена рассмотреть не могла из-за лечебного монстрика в руках.

– Анечка, познакомься, это Леночка моя! – вторя заданному бравурному тону, представила Зоя Львовна и ручкой, нежненько, подтолкнула Ленку в квартиру. – Она любезно согласилась помочь перевезти «ус». Леночка, это Анна Михайловна, моя подруга.

– Спасибо вам огромное, Леночка!

У Лены возникло желание буркнуть остужающее «пожалуйста», уж слишком как-то через край радости-то и звона голосового, прям «ура партии!».

Или у них так принято?

– Куда растеньице отнести? – не удержалась-таки от легкого сарказма, приправленного намеком на ворчливость.

– Давайте я возьму! – ринулась на помощь хозяйка, протягивая руки.

– Не надо, – отказалась Лена, – оно тяжелое, я уж донесу.

– Ой, спасибо, Леночка! – оглушила тем же задором хозяйка.

«Да что за митинг радости? – с нарастающим недоумением подумалось Ленке. – Великое событие – подруга приехала, «цветочек» привезла? Ну, помогла ей соседка, не Гагарина же в космос запустили!»

Может, действительно принято у них так? Радуются люди жизни! Собственно, правильно делают!

– Сюда, Леночка, в комнату, пожалуйста, – указала направление дальнейшего движения хозяйка.

И быстренько так, обежав Ленку, распахнула перед ней дверь. Надо признать, ручки-то у нее уже устали от тяжелого горшка, и она, торопясь отделаться от ноши, поспешила зайти в комнату. Анна Михайловна сделала очередной маневр, подивив мимолетно Лену шустростью, и оказалась впереди, чуть сбоку.

– Знакомьтесь, Леночка! – с той же, уже раздражающей Лену напыщенностью преувеличенно восторженных тонов призвала Анна Михайловна. – Мой муж Василий Степанович и сын Денис!

Добавив многозначительности и какого-то намека в тоне, представляя последнего, Анна Михайловна указала рукой на сидевших за накрытым к обеду круглым столом мужчин. Лена наклонила горшок, уложила «целителя» на плечо и рассмотрела представленных персонажей.

– Здравствуйте, – оторопев от неожиданности, произнесла она.

Старший, Василий Степанович, значит, кряжистый такой, плотный, с седой богатой шевелюрой и добрыми глазами, довольно улыбался – прямо Первое мая советских времен! Демонстрация трудящихся в отдельно взятой квартире!

«Что за бред?» – недоумевала Ленка.

Она же вроде не Алла Пугачева и даже не Максим Галкин, чтоб ее появление вызывало такие бурные восторги?

Лена перевела изучающий взгляд на второго мужчину – и тут праздник кончился!

Тот многозначительно представленный сын оказался при внимательном осмотре крупным широкоплечим мужиком, с руками-лопатами, излучавшим всем своим видом глубокое недовольство происходящим и, в частности, ее здесь появлением. Обжег Ленку недобрым взглядом и вернулся к прерванной трапезе.

И тут до нее дошло!

Куда она попала! Мать моя! Да это же плохо срежиссированное двумя сговорившимися подружками откровенное сводничество!

Ну, может, не так грубо – сводничество, мягче – знакомство. Что там еще? Сватовство? Черт бы их побрал!

Какое сватовство?! Какое знакомство?! Что за бред!

Мизансцена «девушка с растением и другие» затянулась.

В ситуацию такой нелепости и неуютности Елене Алексеевне еще не приходилось попадать! А подружки-заговорщицы, нисколько не смущаясь, продолжили разыгрывать бездарную постановку пьесы под названием «Как удачно вы зашли!».

Лене немедленно захотелось осчастливить эту компанию своим отсутствием.

– Васенька, забери скорее у Леночки растение! – распорядилась Анна Михайловна.

Василий Степанович спешно поднялся со своего места на помощь Лене.

– Поставь пока на подоконник! – поступила следующая команда, и вновь прибывшим: – Девочки, за стол!

– Благодарю, – резко отклонила предложение Лена, – я сыта.

– Что вы, что вы, Леночка, – уговаривала Анна Михайловна, ухватив Лену двумя руками за ладонь, – у нас сегодня особый обед, в честь приезда сына!

Сын, продолжавший вкушать «особый обед» во время всей этой суеты, посмотрел на мать, приподняв одну бровь, саркастически неодобрительно хмыкнул и вернулся к основному застольному занятию.

– Леночка, – красивым, насыщенным низким голосом поддержал жену Василий Степанович, – мы так просто вас не отпустим! Зоенька так много о вас рассказывала, вы ей как родная! Нам давно пора познакомиться!

– Леночка! – не преминула вступить в общий хор Зоя Львовна, сложив умоляющим жестом ручки в замок. – Это мои очень близкие друзья, я бы хотела, чтобы вы подружились!

«Да ладно, бог с вами! – раздраженно решила про себя Лена. – Давайте познакомимся, что там еще? Поговорим за жизнь?»

На сына Дениса, диссонировавшего отстраненностью с коллективом старших товарищей, Елена старалась не смотреть и особым своим вниманием не одаривать.

– Хорошо! – порадовала ожидаемой репликой Елена Алексеевна. – Только, если можно, я бы чаю выпила.

– Конечно, конечно! – отозвалась с готовностью Анна Михайловна.

И, перемигнувшись с Зоей Львовной, под видом заваривания чая они удалились в кухню, оставив жизнерадостного Василия Степановича в одиночку «вытягивать» постановку самодеятельного театра.

Ни Лена, ни любимый сын Денис помогать ему в столь хлопотном и безнадежном деле не собирались, но Василия Степановича, как выяснилось, это ничуть не смущало.

– Леночка, Зоенька обмолвилась как-то, что вы работаете журналисткой? – открыто улыбаясь, повел он застольную беседу.

– Работаю, – подтвердила Лена и позволила себе повредничать: – Но это неинтересно.

– Отчего же! – еще более оживился, не согласившись, Василий Степанович и, немного стушевавшись, уточнил: – Если, конечно, вы не из желтой прессы...

– Нет, не из желтой, – улыбнулась Лена.

– В таком случае это очень даже интересно! Это же творчество! – Усиленно он втягивал Лену в дискуссию.

– Крайне редко, – неохотно поддержала тему Лена. О чем-то говорить надо же, не молча сидеть, как товарищ рядом! – В основном это рутинная работа. Главное – уметь соединять слова, выстраивая фразы так, чтобы читалось, по возможности читалось с удовольствием. А творчеством в журналистике занимаются единицы.

– А как же разоблачительные статьи, громкие журналистские расследования? – спросил он.

– Василий Степанович, сколько газет у нас выходит? – вздохнула Лена.

– Ну, не знаю, сотни? – предположил он.

– Где-то так, если брать не только федеральные издания, но и региональные, городские. А сколько наименований этих газет и действительно серьезных изданий вы знаете?

– Ну... десятки? – предположил он.

– Грубо говоря, десять, с натяжкой двенадцать, – пояснила Лена. – Это уже по интересам читателей. Ну вот так же обстоят дела и с талантливыми журналистами – исчисляются они тысячами, а действительно известных и талантливых – единицы. Остальные занимаются рутинной работой и заказными статьями.

– И вы тоже – заказными статьями? – мягко поинтересовался Василий Степанович.

– А как же! – рассмеялась Лена. – Это наш хлеб. Право выбора темы – это для гениев, а мы простые ремесленники. Я же говорю, это неинтересная тема!

– Вы о чем тут беседуете? – энергично водворились в комнату подружки-«постановщицы», принеся чай, чашки и всякое сладенькое к чайку на двух подносах.

Слава богу, больше никаких разговоров на тему работы, обстоятельств личной жизни и «родословной» за столом не велось.

И на том спасибо!

Анна Михайловна, правда, попыталась было двинуть хвалебную речь, в рамках мероприятия знакомства:

– У нас с Василием Степановичем замечательный сын! Нам повезло! Заботливый, умный, очень много работает, к сожалению, но что поделаешь, у него свое дело...

- Мама! – с нажимом, предупреждающим тихим рыком остановил заботливый сын.
- Не буду, не буду! – пообещала Анна Михайловна.

И совсем не плавно переключилась на обсуждение политических реалий страны, в дискуссии о которых принял живое участие Василий Степанович, а Зоя Львовна все старалась их остановить и перевести разговор в русло культуры и искусства.

Лена испила две чашки чаю, от нервов-с, извините, заливая неудобство ситуации и собственное молчание. Прикинув, что вполне уже насиделась и назнакомилась и можно удаляться восвояси с чистой душой, миндальничать не стала, прямо сообщив о своих намерениях:

- Большое спасибо! – вставив заявление в паузу, возникшую в разговоре старших товарищей. – Очень рада знакомству, но мне пора. Зоя Львовна, вы со мной поедете?
- Нет-нет, Леночка, я еще останусь, меня ребята потом до метро проводят.
- Леночка, что вы так быстро засобирались? – расстроилась Анна Михайловна.
- Мне на самом деле пора, – мягко, но с нажимом утвердила Елена Алексеевна.
- Как жаль! – совсем запечалилась хозяйка.
- Я тоже поеду уже, – произнес первую фразу за весь вечер замечательный сын.
- Ну, езжай, раз надо! – обрадовалась чему-то мать заботливого сына.

Лена заспешила, первой вылетела из квартиры, торопливо попрощавшись, вызвала лифт, спиной чувствуя, как сзади подходит к ней под громкое прощание и напутствие этот самый Денис.

Неприятное ощущение!

Да и маета от неизбежной необходимости ехать вдвоем в лифте, выходить на улицу тоже не из разряда приятных.

Она его рассматривала, пока лифт опускал их на первый этаж, не открыто, с вызовом, а вроде невзначай, но с любопытством и, как ей казалось, незаметно.

Большой, высокий, на голову выше ее, крупный, волосы как у отца – шевелюра, но укрощенная хорошей стрижкой, с несколькими тонкими седыми прядками, большие ладони, как у работника. Дорогая одежда простого стиля – джинсы, футболка, пиджак, куртка, мокасины, явно известных марок. Лена перевела взгляд на его лицо, незаметно, разумеется, – правильные, симметричные черты, но ничего выдающегося, яркого, хорошее такое мужское лицо, никакой писаной красоты, и не писаной, роковой тоже нет. Обычное лицо, темно-зеленые глаза, мимические морщины, придающие суровости, в данный момент подчеркивающие выражение сильного недовольства.

Выйдя из подъезда, они остановились. Попрощаться-то все равно придется, никуда не денешься!

– Меня подловили на транспортировке растения. А вас на чем? – без особого интереса спросила Лена.

– Ни на чем, – не балуя эмоциями собеседника, ровно отвечал второй участник балагана, – мой обычный субботний визит к родителям.

Голос у него красивый, отметила Лена, насыщенный, низкий, бархатные тона. Слышалось легкое раздражение, близкое к безразличию. Произнеся фразу, помолчал несколько секунд. Лена, стоявшая впереди него, даже развернулась заинтересованно, чтобы видеть его лицо.

– Очевидно, мама с тетей Зоей запланировали наше знакомство.

– Очевидно, – согласилась она и двинула прямолинейное признание: – Вы мне не понравились!

– Вы мне тоже, – поделился он своим впечатлением, соблаговолив посмотреть на Лену, – не понравились.

Некоторое время они откровенно разглядывали друг друга, очевидно стараясь разглядеть, что тут вообще могло понравиться!

– У вас жесткий взгляд, вы все время хмыкали и улыбались саркастически, – пояснил свое «не понравились» неудавшийся объект тесного знакомства, он же образцовый сын, навигающий родителей по субботам.

– Знаете, Денис, – хмыкнула Ленка, лишний раз подтверждая вышесказанное им, – если вас уверяли, что ваш взгляд светится добротой и искрит открытостью душевной, не верьте! Врут. Льстят, скорее всего. Прощайте.

Она стала разворачиваться, чтобы уйти, но он взял ее за руку, останавливая. Ленка, надменно-вопросительно подняв одну бровь, выразительно посмотрела на удерживающую ее руку и перевела взгляд на его лицо, в ожидании пояснений.

А он пояснил:

– Они сейчас наблюдают в окно сцену нашего прощания. Не надо их расстраивать, уж доиграем до конца.

– Ах да! – согласилась «догадливая» барышня. – Вы же примерный сын!

– Я хороший сын, – весьма раздраженно утвердил Денис, – и это не повод для издевок! – Он перехватил ее за локоть и ощутимо дернул. – Идемте! Я провожу вас до машины, – распорядился образчик сыновней заботы.

До машины он Лёну не проводил, а стремительно дотащил, остановился у водительской дверцы, отпустив ее локоть.

– Прощайте! – развернулся и ушел.

Ленка постояла, провожая его взглядом, – он едва заметно прихрамывал на правую ногу.

«Скорее всего, потянул в качалке, – отстранение подумала она. – Мы же богатые, у нас свое дело, значит, спортзал, девочки, курорты, набор атрибутов!»

И пожала плечами – а ей-то какое дело?

– Да и бог с ним!

Быстренько забралась в свой автомобильчик. Холодно. «Марток, надевай сто порток!» – как любит приговаривать ее папа по весне.

Машинку свою Лена любила. Старенький фордик исправно возил ее уже восемь лет, а до нее года четыре иных хозяев. Заслуженный пенсионер, приобретенный в складчину с родителями, холимый ею и лелеемый и регулярно проходящий профилактику в автомастерской у знакомых.

Последнее время, правда, стал «взбрыкивать», ломаясь в самый неподходящий момент. А скажите на милость, какой автомобиль ломается в подходящий момент?

Давно пора купить новую машину, да денег таких у Лёны не имелось. Нет, она зарабатывала очень прилично, но имелись совсем другие траты. Вот и ездила на старичке, не забывая его хвалить, поглаживать, уговаривать. Васька дал ему имя: мистер Гарри. Почему так, никто не знал, даже сам автор, но имя прижилось, и теперь свое транспортное средство они называли именно так.

Согревшись немного, Ленка похлопала по торпеде рукой.

– Ну что, мистер Гарри, домой? – предложила она маршрут и улыбнулась, медленно выходя со двора.

А улыбалась потому, что представила, как приедет и расскажет Ваське, в какой нелепой ситуации оказалась, про несостоявшееся сватовство, про этого Дениса мрачного, и они посмеются вдвоем, попивая горячий чай с вареньем и любимыми Васькиными сушками.

Но Васька не разделял ее веселья и, более того, осудил даже.

– А чё, хорошая идея! – выслушав рассказ без улыбки, резюмировал он.

– Василий Федорович, ты о чем? – поразила Лёна.

– Да ты, Лена, за своей нескончаемой работой и заботой обо мне света белого не видишь! – принялся вразумлять ребенок. – Молодая, красивая, а с мужчинами не встречаешься, не свиданькаешься!

– Васька, ты меня своими народными выражениями в стиле этноса с ума сведешь! – сделала Лена попытку вернуться к легкому, шутливому тону.

– Не все на московском языке говорят, люди и подальше живут! – миллион первый раз заявил Васька. – И не пытайся сбить меня с толку!

Ну, сейчас начнется воспитательный процесс, когда Васька ее уму-разуму учит.

Не замедлил начаться!

– Ты с работы своей когда приходишь? – воспробил сурово и сам ответил: – Не раньше девяти вечера, а если дома работаешь, то тебя от компьютера за шиворот не оттащишь, есть-пить забываешь! Все пишешь, пишешь до ночи-пол-ночи, а то и до утра! Все выходные и свободное время со мной проводишь. Ни в кафешку с друзьями, коллегами, ни куда-нибудь съездить с взрослым коллективом, всегда меня с собой берешь. А командировки твои! Я думал, может, там иностранца какого приметит для любви! Да где там! По музеям своим да выставкам и частным коллекциям, и носом в ноутбук, и писать, и домой скорее!

Лена по опыту знала: лучше не перебивать и не останавливать, самое правильное – дать выговориться, а то только попробуй вступи в дискуссию с Василием Федоровичем, до утра спорить будешь, так ничего и не докажешь.

– Не век же тебе только рядом со мной находиться. Я, конечно, от тебя никуда, но тебе надо замуж выйти, деток завести. Встречаться с мужчинами, хотя бы для любви!

– Это в смысле душевной любви? – не удержалась Ленка.

– И ее, и секса тоже! – утвердил Васька.

Может, какому ребенку тринадцати лет рано и не пристало говорить с матерью о таких вещах, но не Василию Федоровичу, разбирающемуся в жизни побольше многих взрослых.

– И, возвращаясь к идее Зои Львовны и ее подруги... – продолжил назидание он. – Идея хорошая. Раз ты сама ни с кем не знакомишься, значит, тебя надо пристроить. Жаль, я сам не докумекал, давно бы присмотрел среди родителей подходящего мужчину. У нас знаешь сколько разведенных папаш детей в школу приводят? Хва-та-ет! Ладно, займусь, – поставил себе задачу и закончил на сем поучительное наставление Василий Федорович.

– Ну, займись! – разрешила, смеясь, Ленка.

Встала, подошла к нему и, погладив по голове, наклонилась, поцеловала в макушку.

– Я тебя люблю, Васька!

– Я тебя тоже люблю, – глухо из-под ее руки ответил он, не делая попыток вырваться из объятий.

Он совершенно необыкновенный мальчик, Лена это точно знала. Ну какой еще пацан его возраста разрешит себя обнимать, целовать и гладить?

Только он!

Денис не торопился, не спеша ехал по более или менее свободным субботним вечером московским улицам, возвращаясь домой. А точнее, в московскую квартиру. Жил он в Подмоскowie, в доме, в Москве же оставался по необходимости. По этой же необходимости квартира, не самая шикарная и далеко не в элитном районе, пустовавшая большую часть времени, была отремонтирована без изысков и особых дизайнерских изощрений. Так, чтобы уютно и комфортно провести пару-тройку дней, не раздражаясь неустroенностью и запустением. По меркам большинства – современные двухкомнатные хоромы, по меркам меньшинства побогаче – отстой.

Вот что его не интересовало и не волновало ни в какой степени, так это выпендрож и мнение чужих людей.

Денис с удовольствием уехал бы домой, но имелись дела и завтра, и в понедельник. Завтра, в воскресенье, интересная встреча, а в понедельник дела чиновничьи, бумажные.

Денис Васильевич пребывал в легком раздражении, неодобрительно прокручивая в уме нынешнее событие.

Две субботы в месяц он старался по возможности приезжать к родителям часа в три дня, если не уезжал куда-нибудь по делам. Родительский день – так он называл эти визиты.

Он не считал, да и не чувствовал это ни обязанностью, ни тягостной необходимостью. Никогда не раздражался и не сетовал на свою сверхзанятость, будучи глубоко убежден, что, если у тебя на родных и близких нет времени, значит, ты хреново работаешь.

Зачем работать так, что становятся безразличны близкие люди? Для чего, для кого воровать у самого себя жизнь?

Да, несомненно, случается, что с головой и потрохами погружаешься в работу, забыв о времени и испытывая непередаваемый внутренний восторг от дела, которым занимаешься, но это творчество, и даже из него можно вынырнуть ради любимых людей.

Вот такой у него взгляд на жизнь.

Неспешный, несуетный Денис, казалось бы, не торопясь успевал делать во сто крат больше, чем иные деятели, разговаривающие одновременно по двум трубкам и пробегающие по десяти местам за день.

Он приезжал к родителям, обходил с инспекцией квартиру, выясняя, что требует починки или ремонта, записывал в блокнот, который всегда носил с собой, туда же заносил иные необходимости – таблетки, врачей, покупки, насущные мелочи. И никогда не забывал ни о чем – еловом, решал все родительские житейские проблемы.

И все у них было мирно да гладко, пока мама не решила, что пора вмешаться и «устроить» его личную жизнь, и принялась с энтузиазмом знакомить его со всяческими барышнями. Разумеется, «замечательными девочками», дочками-племянницами знакомых и подруг, дальних и близких, коих было у Анны Михайловны бесчисленное множество.

А началось все это два года назад, когда он расстался с Викторией. Не сразу – вот, познакомься, прекрасная женщина! Не сразу. А с подготовительного этапа словесной обработки.

– Денечка, ты с кем-нибудь встречаешься?

– Встречаются, мам, школьники и студенты, а в моем возрасте с женщинами спят, – отвечал хороший сын.

– Денис! – призывала к интеллигентному общению мама.

– Ну, ты хотя бы с кем-нибудь спишь? – уточнял отец.

– Сплю, – успокаивал, посмеиваясь, сынок. – Иногда.

– Нет, это ужас какой-то! – искренне возмущалась Анна Михайловна. – Разве можно при матери так цинично! И я тебя совсем о другом спрашивала, не о пошлом сексе! Я спрашивала, есть ли у тебя серьезные отношения?

– Нет, серьезных нет. Не могу выбрать из обилия предложений, – покаянно разводил руками Денис.

– Ты все шутишь, а мы с отцом переживаем, тебе уж сорок скоро, а ни жены, ни детей! – сетовала мама.

– Почему шучу? Не шучу, – делая «серьезный» вид, уверял Денис. – Я у девушек теперь пользуюсь большим спросом и интересом. Когда молодой и бодрый был, девушек не интересовало особо, а теперь вдруг не стало от них отбоя. Они меня богатым и оттого интересным считают, – разъяснял он реалии жизни, посмеиваясь над самим собой.

– И правильно! – заводился отец. – А почему они должны хотеть замуж за голых, босых и дурных?

– Может, по любви? – предлагал версию женских матримониальных предпочтений Денис.

– Знаешь, с любви хлеба не поешь, детей не накормишь, не вырастишь! – заступалась за всех девушек России Анна Михайловна. – Это вообще глупость – жениться по любви, навязанная всем поголовно голодным строем после революции! На ком им еще было жениться, как не на таких же нищих и голых? И голодать теперь уже вместе, отстраивая светлое будущее. Гораздо правильнее делали раньше. Родители не дураки, жизнь прожили и прекрасно видели, кто кому подходит и насколько. И сватали, подбирая детям пару. И семья начиналась с уважения друг к другу, а уж любовь – дело третье. И правильно нынешние девушки делают, что выбирают, прикидывают, ставки делают на мужчин состоятельных.

Вон вы с Викторией прожили почти три года по любви. И где сейчас эта любовь и та Виктория?

– Мы не по любви, – не понимая, отчего она так разошлась, успокаивал Денис, – мы по влюбленности и удобства.

– Пусть так, но и по влюбленности тоже не получилось! – воинствовала мама.

Не получилось у них по другим причинам, но Денис не жалел ни о чем – ни о прожитых вместе годах, ни, уж тем более, о расставании быстром и решительном.

Да, с женским полом у него всегда трудно получалось, это факт. Причины этих трудностей, как сама их понимала, Анна Михайловна частенько излагала, предлагая сыну измениться.

– Ты замечательный человек, Денечка, но слишком уж угрюмый, все молчком, тишком. Весь в себе, слова лишнего не скажешь. А женщинам нравятся мужчины веселые, бесшабашные, умеющие и себя преподнести, и развеселить, побалагурить, легкие в общении. Я сколько раз тебе говорила, ты бы вон у друга своего Вадима поучился. Как он легко с женщинами сходится – комплименты рассыпает, цветочки, ухаживания...

– И так же легко расходится, – напомнил Денис, – третий брак и двое детей.

М-да, тяжелый аргумент, на который у мамы не находилось оправданий.

Но знал бы он, к чему вся эта «артподготовка» родительская: мамины наезды-намеки, отцовские хитрые улыбки и понимающие взгляды!

Понял, когда они первый раз осуществили тайно задуманное. Приехал к ним в очередную «родительскую» субботу, а за семейным столом чинно восседали два неизвестных персонажа – барышенька лет двадцати пяти, с явной претензией на изысканность манер, и дама постарше, оказавшаяся ее маман.

– Денис, – торжественно представила мама. – Ты помнишь Марину Витальевну, мою бывшую коллегу?

– Нет, – признался, мрачняя, он.

– Мы очень давно не виделись, конечно, но ты должен помнить. Марина Витальевна не раз приходила ко мне на день рождения!

Денис не ответил, сдержанно кивнул, здороваясь, смутно подозревая, что последует дальше. Оно и последовало.

– А это ее доченька, Людочка. Мы с Мариночкой случайно встретились, так обрадовались, решили посидеть, поговорить! – на подъеме поясняла мама.

Денис терпеливо выдержал званый, как оказалось, обед, бесконечные хвалебные речи в адрес Людочки с неприкрытым намеком, ее скромненькое опускание очей и даже навязчивое предложение родителей и подруги Марины Витальевны: «Почему бы не прогуляться молодым по нашему дивному парку, что с нами, стариками, сидеть!»

Пошел прогуляться, чтобы остыть, а по ходу объяснить барышне, что тут ей, увы, не светит.

Растолковывать ничего и не понадобилось, у девочки имелось свое жизненное расписание, которое она и поспешила озвучить. Как только они отошли от подъезда, Людочка достала сигареты, затянулась с явным удовольствием, выпустила дым, пристально рассматривая Дениса, и поинтересовалась:

– Так, что у тебя за фирма?

– Какая разница? – не собираясь вступать в продолжительную беседу, неохотно ответил он.

– Большая. Чем занимаешься, какие у тебя обороты?

– Ты вроде музыкант, а не налоговый инспектор, – усмехнулся ее любопытству Денис.

Уже точно зная – вот сто пудов! – о чем сия музыка, потерял последние крохи интереса к девушке.

– Музыкант, – кивнула она, – и очень занятой человек. Мне некогда тратить время на непродуктивные встречи с мужчинами. У меня высокие запросы, и они стоят немалых денег.

– Нет, Люда, я для тебя непродуктивный мужчина. Точно!

Он довел ее обратно до подъезда, сел в машину и уехал. Конечно, мама позвонила через час, еле дождавшись, когда гости уйдут.

– Денис, так нельзя!

– Так, как ты придумала, мама, тоже нельзя! Больше не надо меня ни с кем знакомить! Мне это не нужно и неприятно.

Ему пришлось пережить еще три родительские попытки знакомства за этот год – маму в ее рвении устроить счастливую личную жизнь сына остановить не могло ничего, кроме, пожалуй, глобальной мировой катастрофы. Магнетные неуютные обеды он переносил с трудом, еще более тяжело давались попытки уговорить маму прекратить вмешательство в его жизнь.

Сегодняшняя девушка была пятой по счету! Пятой!!!

С этим нелепым цветком ввалилась в комнату и еще удивленное лицо сделала! Денис аж зубы сцепил, чтоб тут же не наговорить и ей, и родителям жестких, неприятных слов.

Ну все! Хватит! Его трудно достать, но уж если умудрились!..

Пригрозит родителям, что перестанет к ним ездить, если еще хоть раз повторится такая глупость, не послушают – встанет и уйдет! Шантаж, а что делать?

Денис, само собой разумеется, к девуленьке-то присматривался незаметно, он, как любой нормальный мужчина, имеет устойчивый, здоровый, неослабевающий интерес к женщинам. Угрюмый там, не угрюмый, а от этого никуда не денешься!

Она при внимательном рассмотрении оказалась симпатичной даже. Худенькая, правда, а он предпочитал женщин высоких, статных, стройных, не субтильных, которых не страшно и обнять, при его-то силе в руках.

Но и эта, хоть и худенькая, не «доска», при груди приятной и попке, как называет его друг Вадим такую форму принадлежности женского тела: «Попка на отлет!» – то есть ладенькая такая.

Девушка больше отмалчивалась, сверкала светло-золотистыми, почти прозрачными, злыми глазами. Злилась, точно. Это Дениса с ней немного примирило, не так, чтобы до дружеского пожатия рук, но и не враждебное отторжение, возникшее поначалу. Он понял, что она и на самом деле не знала о готовящемся знакомстве. Ну, хоть не один он тут невинно участвующий!

«Здрасте!» – и ведь поздоровалась как подросток – антагонист ко всем взрослым делам и выступлениям. Сразу поняла, что происходит.

Он хмыкнул довольно, даже головой покрутил, вспоминая, как она с ним прощалась: «Вы мне не понравились!»

«Молодец! – похвалил мысленно. – Прямо и без выкрутасов словесных. А это ее: «Не верьте! Врут! Льстят, скорее всего!» Ишь какая ершистая!

Но и при одобрении ее прямолинейности она ему не понравилась. Воюет почему-то, и с кем – неизвестно, и все больше нападает, а не в обороне отсиживается. Да и ситуация, в которой они оказались не по своей воле, скажем прямо, к взаимному интересу не располагала, как раз наоборот.

Однако маму и Зою Львовну тоже можно понять, исходный порыв, как водится, благородный, но результат обычный для благих намерений.

И почему-то, когда припарковал машину у дома, вышел и включил сигнализацию, он снова вспомнил эти золотистые, почти прозрачные, злые глаза.

– Журналистка, – усмехнулся, качнув головой.

И на том о девушке помнить и думать перестал.

– Василий Федорович, ну как? – крутилась перед Васькой Лена, демонстрируя свой наряд.

Наряд старательно продумывался, чтобы не слишком вызывающе и не строго-официально. Элегантно, немного прямых линий, смягченных шелковыми складками блузы, каблук не заоблачно модельный, средний, но Лена и таких не любила. Ну вот не любила она каблуки, хоть и помнила женскую заповедь: «Сошла с каблука – сошла с дистанции!»

С дистанции она сошла четыре с половиной года назад, расставшись с единственной любовью в своей жизни, и возвращаться в «забег» не торопилась, а попросту и не собиралась. Да при ее тяжеленьких сумочках и ноутбуке, которые приходится на себе таскать, порой весьма оперативно бегая по городу, на плоском ходу как-то и веселее, и удобнее.

Но сегодня совсем иная тема!

Сегодня с собой сумочка в тон туфлям и только блокнот, пара ручек, маленький диктофон и необходимость расположить к себе и разговору собеседника.

– Вот теперь самое то! – одобрил Василий Федорович третий вариант прикида. – В самый раз с поставленной задачей. И перестань так нервничать, Лена! Тем более ты говоришь, что это интервью запоздало, его бы раньше...

– Запоздало для других целей, а я на его основе сделаю классную статью! – крутилась она перед зеркалом, рассматривая себя со всех сторон.

– Вот и расслабься! А то что-нибудь там ляпнешь «не в малину»! – посоветовал Василий.

– Я расслаблюсь по дороге! – заверила Ленка. – Господи, да Забарин его полгода уговаривал на это интервью, а я Забарина доставала, а он ни в какую! И тут – здрасте! «Я книгу прочитал, готов пообщаться с этой журналисткой!»

– Прямо вот так и сказал? – сильно засомневался Васька.

– Ну, не так прямо, более корректно, и что-то там про «приятно удивлен».

– Вот видишь! Хватит, Лен, перестань вертеться, а то опоздаешь! Все в полном порядке! Ты красотка! – руководил Васька, оттолкнув Лену от зеркала и выводя в прихожую.

Она надела плащик, покидала в сумку телефон, пудреницу, помаду, проверила, не забыла ли диктофон.

– Так. Все. Пошла! – подбодрила себя. – Да, Василий Федорович, думаю, часа два-три мне хватит, вернусь, и поедем куда-нибудь на природу, ты пока тут решай, в какой парк.

– Лена, не суетись! – требовательно остановил ее Васька. – Все, езжай уже!

– Ладно, – решительно вздохнула она, – поехала!

Поцеловав Ваську в щечку, Лена еще разок решительно вздохнула и выскочила за дверь. Она ужасно не любила оставлять Ваську одного. Все еще боялась за него, необоснованно и глупо, но поделаться с этими страхами ничего не могла и использовала любую воз-

можность, чтобы находиться рядом как можно больше. Даже к друзьям школьным в гости не отпускала, настаивая на том, чтобы они тусовались у них дома. Василий Федорович все ее страхи понимал, не спорил, и школьные компании в их квартире не переводились. Родители друзей со спокойной душой отпускали ребят к ним в гости, ибо тут имелся пригляд в лице Зои Львовны, если Лена отсутствовала, да и личность самого Василия вызывала у взрослых глубокое уважение.

Сегодня вот, к сожалению, пришлось оставить его одного дома: Зоя Львовна занята своими делами, а интервью этого Лена ждала неизвестно сколько – пришлось смириться с ситуацией.

Лена мысленно прикрикнула на себя и свои пустые страхи, поерзала на сиденье, поудобнее устраиваясь за рулем, волевым усилием переключаясь на предстоящую работу.

У встречи, на которую она спешила, имелась своя предыстория, впрочем, как и у любого события, случаемогося в жизни.

Больше четырех лет назад она решительно и в один момент ушла из крупной еженедельной газеты, бросив блестящую карьеру журналистки, печатающейся на первых полосах со своими острыми социальными репортажами и расследованиями.

Ушла в никуда. Передумывать жизнь.

Маялась осмыслением ошибок, пыталась понять, что впереди и куда дальше двигаться. Ни черта не получалось, кроме понимания, что ничего она не хочет, и ощущения полной пустоты внутри. От самой себя, непутевой, от горьких мыслей Лена сбежала. Нормальный такой, проверенный способ, правда, никому пока еще не помогавший слянуть от проблем. Сбежала в Архангельск, в гости к одноклассникам по журфаку Ивану и Катке Березиным, близким друзьям, с которыми дружили всю учебу. Они поженились еще на первом курсе, и по окончании университета вернулись домой, и множество раз зазывали Ленку приехать.

Лена бродила, бродила по улицам города, залечивая душевные раны, и... влюбилась в Архангельск, в русскую архитектуру, зодчество великолепных мастеров. И очаровалась, открыв для себя нечто прекрасное. Жизнь вновь запахла весной, пробуждая, тревожа. И Ленка встрепенулась, переключилась, заболела небывалым интересом.

И понеслась, раскручиваясь, ее новая жизнь!

Залезла в давно откладываемые на машину сбережения – и на несколько месяцев изучать: Архангельская область, Кижи, Соловки – архитектура; Пермский край – древние деревянные идолы; Каргополь, Суздаль, Переславль-Залесский – иконы, зодчество! С восторженного восхищения русской древней архитектурой и зодчеством ее интерес сместился к старинной мебели. Посылком глубокой заинтересованности предметом послужило неожиданное открытие. Оказалось, что при всей многочисленной, серьезной и многогранной освещенности архитектуры России практически отсутствует информация о внутреннем убранстве зданий, о мебели тех времен. Скучно, даже банально – лавки, столы, позже сундуки, кое-что про хозяйственные предметы, прялки, ткацкие станки, предметы утвари.

«Да ладно! Да не может быть!» – решила Елена Алексеевна и погрузилась в предмет с азартом бывшего следователя, с головой, по самую макушку. И между прочим, открыла столько нового, небывалого!

Вернулась в Москву и буквально поселилась в Ленинке и в архивах, пользуясь неизъяснимым удостоверением журналиста, все еще находясь в непонятном статусе – и не уволенной официально из газеты, и не работающей в ней.

Не раздумывая, Лена вновь влезла в «закрома» и поехала по городам и весям с конкретной заинтересованностью предметами древней мебели.

Плохо или вполнекала Елена Невельская никогда ничего не делала, и сложился из всех этих изысканий уникальный материал, подкрепленный множеством фотографий. Когда-то в школе Лена увлекалась фотосъемкой и даже в студию ходила, но с окончанием школы забро-

сила эти занятия. Пришлось вспомнить и еще поучиться кое-чему, чтобы снимать самой, правильно выставить свет, улавливать нужный ракурс, – словом, много чего пришлось осваивать по ходу, таская с собой тяжеленную аппаратуру. Но когда снимки стали получаться действительно классные, ей каждый раз прыгать от радости хотелось!

В конце концов перед ней была увесистая папка и естественный вопрос: что с ней делать?

Что делать, Ленка решила за одну бессонную ночь. Утром обзвонила самые солидные журналы от интерьерных дизайнерских до «Вокруг света», ничуть не смущаясь, представлялась журналисткой газеты, в которой работала раньше. Надо сказать, что имя ее к тому времени уже было известным в кругах журналистов, чем сейчас она и воспользовалась, предлагая свой материал к рассмотрению.

Почти нигде не отказали!

Лена обошла всех главных редакторов, на меньшее – замов или ответственных редакторов – не соглашалась. Рассказывала вкратце содержание материала, показывала снимки и присматривалась к реакции, к людям. Как-то не хотелось отдавать свое детище в равнодушные руки.

Честно сказать, кое в какие «руки», предложившие напечатать материал, сильно урезав и изменив, и не отдала.

Может, и не сложилось бы ничего, Лена уж подумывать стала, что надо идти каким-нибудь иным путем, но...

Пришла она в известный и солидный, как Лондонский парламент, журнал, освещавший мировую культуру, историю стран и городов, воспользовавшись уже проверенным «заходом» под прикрытием неизъятого удостоверения. Пришла, по большому счету ничего не ожидая: вроде и не совсем в тему, и предположить не могла, что сможет сотрудничать с такими «путешественниками».

Вошла в кабинет главного редактора, увидела Николая Васильевича Забарина и поняла, что никуда не уйдет, пока не уговорит его взять материал!

Уговаривать не пришлось.

Она с энтузиазмом рассказывала о своих исследованиях, находках, показывала снимки, и только набрала наивысшие обороты красноречия, как он ее перебил:

– Оставляйте. Я просмотрю. Контактные телефоны оставьте у секретаря.

Ленка сбилась, а он, посмотрев на нее въедливо и пытливо поверх стильных очков, спросил неожиданно:

– В газете-то своей работаете?

– Нет, – вздохнув покаянно, призналась она.

– То-то, я смотрю, ваших статей давно не видно. Выгнали или сами ушли?

– Ушла.

– Что так? Обладаете прекрасным слогом и вроде в фаворе находились, первые полосы... Конфликт с начальством?

Он чем-то неуловимо напоминал Познера – возрастом, манерой держаться, лицом, морщинами и непростым, мудрым взглядом.

– Все вместе, – чистосердечила Ленка. – И с начальством, и с собой.

Он посмотрел долгим проницательным взглядом и вдруг улыбнулся открытой, щедрой улыбкой.

– Идите, Елена, я просмотрю материал, по возможности быстро.

А в два часа ночи он позвонил.

Ленка, спросонья не понимая, что звонит и, главное, где, долго искала тренькающую трубку, одновременно предпринимая попытки открыть глаза.

– Да! – наконец удалось ей ответить.

– Это Забарин! – по-деловому представился он.

– Какой Забарин? – только не возмутилась она.

Он рассмеялся легким, приятным смехом.

– Спите?

– О господи! – начала соображать Лена. – Николай Васильевич?

– Да уж, не Гоголь, трудно узнать! – пошутил он и резко перешел на серьезный тон: – Рукопись вашу я прочитал. Увлекательнейшее чтение, прям детектив!

И пойдешь разбери, пожурил или похвалил? Ленка с перепугу не поняла.

– Напечатаем всю, серией статей с продолжением. Завтра в девять утра у меня в кабинете обговорим детали. Все. Спите!

В девять утра стоило ей постучаться к нему в дверь и войти, как Николай Васильевич уже руководил:

– По российским просторам-то за свой счет моталась? – без предисловий и сразу на «ТЫ».

– За свой, – робко села напротив него за стол Лена.

– Ладно, оформим задним числом твое нештатное сотрудничество, какую-то часть денег компенсируем. Все не получится, уж извини. Возьму тебя в штат. Оклад хороший дам.

Елена Алексеевна Невельская, в недавнем прошлом ушлая журналистка острых социальных и криминальных тем, рот открыла от удивления – чудеса!

– Давай, Лена, почивать на лаврах некогда и неудобно, скажу я тебе, двигай дальше! Пока твои изыскания несколько месяцев будут печататься, принимайся за дальнейшее, более позднее, развитие мебели в России, мастеров и так далее. Это интересно.

– Да... – проблеяла она, – я как раз об этом думала.

– Что думать! Иди работай! Ксения Андреевна, мой секретарь, тебе все объяснит, со всеми познакомит. Трудиться, Невельская, трудиться! Я начальник строгий!

Никакой он был не строгий, а самый что ни на есть замечательный начальник в мире. И человек, и журналист-писатель. Его обожали все подчиненные, хотя порой он мог жестко раздавать нагоняи, требовать, особо не церемонясь.

У них с Леной сразу сложились глубоко уважительные отношения и какая-то даже отцовски-дочерняя любовь. Просто повезло необыкновенно, считала Лена, а Николай Васильевич, который не Гоголь, отмахивался и сыпал афоризмами:

– Кто работает, тому и везет! А расслабляться, Елена, тебе не дам, будешь вкалывать, как крепостная!

А она и не расслаблялась, работала с таким восторженным удовольствием, что немного даже побаивалась иногда этого своего состояния «счастье в труде», в прямом смысле, без всяких переносов.

Вот так начался новый этап ее дальнейших изысканий, еще более интересных. И здравствуйте, командировки! Питер, Карелия, средняя полоса России по бывшим усадьбам и губернским городам, Урал – да везде!

Забарин поддерживал, учил многому. За год работы в журнале вышла серия ее ярких, красочных статей, а материала накопилось столько, что и половины не вошло в эти статьи. Он копился, копился, Ленка любовно его складывала, сортировала, до поры и не задумывалась, что с ним делать, но не мертвым же грузом ему лежать!

Однако случился в ее жизни еще один крутой вираж, столь сложный, что как выстояла, до сих пор не знает.

Выстояла.

На злости, упертости, понимая, что не сдастся ни при каких условиях, умудряясь совмещать работу и решение нелегкой проблемы.

Но это другая история. Совсем другая. Справилась, и Николай Васильевич помог.

А тогда, написав заключительную, четырнадцатую по счету статью, внезапно осознала, что все! Все!!!

И как очнулась!

Просмотрела, что сделала, и обнаружила, что посвятила изучению этой темы два года, если считать с того момента, как увлеклась мебелью. И вот она, заключительная большая статья, с анализом современного положения в стране искусства краснодеревщиков, интервью с ведущими специалистами – с выражением преклонения перед их делом, призывно и с осторожным оптимизмом.

Итог. Жирная точка.

Два года, как второе высшее образование получила. И что дальше?

Она ведь вроде журналист? Историю развития мебельного искусства страны изучила, и, как всегда все делала, весьма досконально и обстоятельно, но ведь мебель-то делать она не собирается?

Статью написала, отправила в редакцию, как с любимым человеком рассталась – до слез! Взяла несколько дней выходных, грустила, думала, пересматривая вновь и вновь накопленные за эти годы материалы.

И посетило Елену Алексеевну Невельскую глухой, бессонной ночью озарение!

Во множественном числе.

Первое: есть и другие страны – открытие само по себе! И история их мебельного искусства! Нонсенс, не правда ли?

Второе: а напишет-ка она книгу, куда войдет все собранное и наработанное ею за время исследований. А почему нет?

И третье: а какие из стран в рамках этого направления ей интересны?

Оказалось – многие!

Все взаимосвязано в мире, а уж люди-народы, страны-континенты, традиции-предания, легенды и подавно! Огромное количество сюжетов перекликаются, переплетаются в культуре разных народов. Но поскольку она в своем огороде – например, в русском зодчестве масса элементов похожих, заимствованных или просто идентичных элементам в зодчестве, скажем, северных народов, да и тюркских, иногда и древнеримские мотивы просматриваются, да полно всего!

Викинги!

Вот что интересно! Скандинавия. Уж этого добра в работе древних русских мастеров хватает! Если учесть, что, по последним научным исследованиям, предполагается, что викинги дошли до Днепра и чуть ли не основали Киев. Теория, разумеется, но чем Бог не шутит!

И начать надо с Дании и Норвегии.

Ура!

Еле дождавшись утра, она прибежала раньше всех в редакцию и топталась в приемной, с нетерпением ожидая Забарина. Ксения Андреевна посматривала на ее хождения, улыбаясь понимающе:

– Вы бы присели, Леночка.

– Не могу, Ксения Андреевна! – жаловалась Ленка.

– Невельская, пожар? – строго спросил вошедший в приемную, застав свою подчиненную в состоянии будоражном.

– Я придумала, что дальше! – поделилась радостью Ленка.

– Рабочий энтузиазм приветствуется, – поддержал он, – идем, поведеаешь!

Выслушал. План одобрил.

И Ленка понеслась осуществлять – архивы, библиотеки, Инет, командировки...

Нормально, поехали дальше!

А книгу она писала-стыковала втайне от начальства, сюрприз Забарину готовила. Но если до конца быть честной – боялась, что не справится, напортачит, да и замах уж больно амбициозный – книга! И кому вообще это будет интересно?

Книга формировалась медленно, отодвигаемая насущными статьями, новыми интересами, командировками, но она про нее не забывала, делала потихоньку, заново погружаясь в тему, подбирая фотографии. «Картинки», как их называл Василий Федорович, он же первый читатель и критик рукописи.

Подытоживая тему, обозначая современные реалии, Лена тогда брала множество интервью у самых известных краснодеревщиков страны. И у Валерия Сологуба, и у Михаила Корвасовского, и у Владимира Бондаренко, даже в Хабаровск летала к известному Павлу Ефремову, да много еще с кем беседовала. Все они, великолепные мастера с мировым именем, единицы, оставшиеся в настоящее время в России, с готовностью делились мыслями, знаниями, потому что болели за свое дело, увы, практически загубленное в советские времена и окончательно добитое в середине девяностых. Сейчас только-только что-то начало восстанавливаться, по крупицам, и мастера не просто реставрировали, а начали делать свои эксклюзивные произведения. Понемногу, но какие! Красотища потрясающая!

И своевременно, и замечательно, что об этом стали писать, говорить, ценить их, наконец, и сами они старались как можно больше рассказать о профессии.

Все, кроме одного.

Некоего Арбенина.

Совершенно уникальный мастер, виртуоз, гений! Лена видела несколько его работ, что называется, вживую и многие в каталоге, так у нее аж дух от восторга захватывало! Что-то потрясающее! Не работа – волшебство!

Но он категорически не давал никаких интервью. Ни в одном печатном издании, в Интернете даже фото его не было, и почти никакой информации – скупые слезы: «В девяносто пятом начал обучение у самого известного мастера России Михаила Захаровича Володарского. Окончил Строгановский университет. В две тысячи втором году перешел от чистой реставрации к производству авторской мебели. Работы Арбенина выставлялись в Архитектурной галерее в Москве и на международных выставках. На выставке в Милане были представлены его кровать и два стула-корытца, на международной выставке-бутике роскоши Elite Life в Нахабине комод и трюмо в классическом стиле...»

Перечисление иных выставок, всяческое бла-бла-бла о произведениях искусства в его исполнении! Ноль информации.

Контактные телефоны для заказа работ, каталог известных уже изделий, и все! Привет!

Ленка окучивала Забарина больше полугода, ныла, умоляла раскрутить этого Арбенина на интервью. Николай Васильевич старался, а в ответ глухая тишина!

– Да и бог с ним, Лена! Зачем он тебе сдался-то? – недоумевало начальство. – С русской темой ты закончила, у тебя сейчас актуальна Скандинавия, ею и занимайся!

– Я задумала переплести интервью их специалистов и наших, – вдохновенно врала Ленка.

– Идея неплохая, почему первый раз слышу? – журил Николай Васильевич.

– А я разве не говорила? – включала дурочку Елена Алексеевна.

– Ты мне голову не морочь, Невельская! – призывал к порядку распоясавшуюся барышню Забарин. – Ты мне плешь проела, подай тебе Арбенина, а тут на ходу причину придумала!

– Ну, Никола-ай Васили-ич, – ныла Ленка.

– «Переплести», – передразнил он, уже миролюбиво, – сейчас придумала?

– Но здорово же!

Не кололась она, сюрприз же все-таки!

– Ничего, – не выказал одобрения, но и не отговаривал Николай Васильевич. – Ну и сделай, у тебя же полно интервью с другими специалистами.

– Они все классные, лучшие! – сверкая глазами, принималась объяснять она. – Они такие вещи делают, глаз не оторвешь! Валерий Васильевич Сологуб с сыновьями такую красотищу творят! А Бондаренко в современном стиле! А Егоров! Звание «Лучший краснодеревщик России» в прошлом году присвоили, мебель без единого гвоздя! Все мастера божественные, уникальные! Но Арбенин особый! У него дерево поет! По нему пальцами проводишь, прямо музыка звучит!

– Это где ты по его мебели пальцами водила? – с подозрением поинтересовался Николай Васильевич.

– Да на одной выставке, – сбилась с восторженной волны девушка Невельская.

– Это, часом, не на той, с которой тебя турнули? – усмехнулся Забарин.

– И не турнули, а интеллигентно попросили, – засмущалась бойкая журналистка.

– Ну да, ну да, под ручки вывели! Помню, – посмеивался он. – Ладно, обойдешься без твоего «особого».

Забарин не знал, что Ленка втихаря книжку готовит и ей ужасно, до визга нетерпеливого хотелось заполучить для нее разговор с этим Арбениным! Вот трава не расти!

Трава расти не перестала, интервью он не дал. Бирюк какой-то!

Четыре месяца назад Елена Алексеевна робко вошла в начальственный кабинет и вручила Забарину рукопись книги с фотоматериалами.

– Да ты что?! – поразился Николай Васильевич. – Ну деваха! Удивила! – Полистал, просмотрел, поднял на нее взгляд поверх очков. – Дела задвину, читать буду! Иди, не мешай!

Книжка получилась на славу!

И снимки прекрасно вышли, а текст читался как художественное произведение, это она себе как профессионал говорила, а как Лена Невельская сильно сомневалась в своей объективности.

Переживала ужасно!

На презентации стакан с водой опрокинула, облив новенькие туфли, микрофон уронила, оглушив всех присутствовавших, спотыкалась, толком сказать ничего не могла и все думала пугливо: «Да кому эта книга нужна? Специалистам разве?»

Оказалось, что нужна.

Приехало много народу, и Ленка давала автографы, подписывала книги, раскраснелась, не различала лиц, мелькающих перед ней, кивала как заведенная, не понимая, что ей говорят. Василий Федорович стоял у нее за спиной, собирал и «складировал» букеты, подарочки и периодически дергал ее за локоть, чтоб не нервничала слишком.

Единственное, о чем она умолила Николая Васильевича, – никакой съемки! Ни камер, ни фото, даже личных.

– Как это? – возмутился он.

– Ну пожалуйста-а-а! – чуть не плакала она. – Никакой, пардоньте-с, прессы! Не хочу!

– С ума сошла! – ругался Забарин. – А пиар любимого журнала?! Это же общественное мероприятие, мы же похвалиться обязаны!

– Ну, Никола-а-ай Василич... – канючила Лена.

– Дрейфишь? – понял он.

Не то слово! Лена пребывала в уверенности, что никто не придет, кроме коллег и родных – близких, и позориться не хотела.

– Ладно уж, – смилостивился Николай Васильевич, – пару фотографий для внутреннего пользования, а презентацию повторим по полной программе, когда книга пойдет в продажу по регионам. Тогда уж не отвертись!

А через пять дней после презентации Забарин вызвал ее к себе.

– Не знаю, нужно ли это тебе сейчас, – с сомнением начал он, – но позвонил твой Арбенин недоступный. Сказал, что прочитал книгу, приятно поражен столь глубоким анализом, изложением фактов и уважением к их профессии. Именно так и сказал, ничего более. Выказал готовность побеседовать с тобой.

– Да вы что?! – обалдела Ленка.

– А что ты так возрадовалась? – остудил Забарин. – Серия статей давно закончена, книга вышла. За каким чертом тебе сейчас это интервью?

– Я что-нибудь придумаю! – бурлила на подъеме Елена Алексеевна.

– Ну-ну... – выказал сомнения Забарин. – Он предложил встретиться в кафе, сейчас...

Николай Васильевич порылся в своих записях на столе, нашел, назвал кафе.

– Знаю, – кивнула Лена, готовая стартовать на встречу.

– Пойдешь?

– Обязательно!

– Ну, как знаешь. Подойдешь к администратору, он тебе столик укажет. В двенадцать дня. В воскресенье.

Трепетно ожидаемое воскресенье настало, и она подъехала к нужному кафе в центре, высматривая место для парковки.

Легко и просто! Воскресенье, двенадцать, считай, утра – да пожалуйста, хоть упаркуйся!

Звения от предвкушения, улыбаясь жизнерадостно, Елена Алексеевна сдала плащик в гардероб и подошла к метрдотелю:

– Я Невельская.

– Вас ожидают, – приветливо улыбнулся он, – я провожу. Прошу сюда.

Они прошли через большой зал, почти пустой в это время, лишь несколько человек за столиками. Метрдотель впереди, указывая дорогу, она сзади, по-девчоночьи волнуясь, понимая, что никак не может перестать улыбаться. Несколько колонн в римском стиле, с легкими шторками между ними, отделяли большой зал от более камерной части помещения, где возле окон располагались три столика.

– Прошу, – остановился провожающий у прохода в эту часть зала, пропуская ее вперед. Лена кивнула, благодаря, прошла вперед... и улыбаться перестала.

Все перестала – звенеть, дребезжать нетерпением, радоваться. Остановилась.

«Встань передо мной, как лист перед травой!» Вот так она и встала!

Из-за среднего столика медленно поднялся ее давешний, не состоявшийся в дружеском знакомстве Денис, хороший, как помнится, сын друзей Зои Львовны.

– Черт! – невольно вырвалось у нее.

Метрдотель улыбнулся еще шире, кивнул довольный и удалился.

– Вот именно, – отозвался ее визави, разделяя оценку ситуации.

Так! Отступать некуда, сзади, как водится, Москва и горячее продолжительное желание Елены Алексеевны взять интервью у данного господина. На негнущихся ногах еще не побежденная Лена проследовала к столику. Мужчина помог ей сесть, галантно пододвинув стул, и вернулся на свое место напротив.

– Вы Денис Арбенин, – озвучила очевидное она.

– М-да, – невесело признался он и двинул свое утверждение: – А вы Елена Невельская.

– Думаю, утверждать, что нам обоюдно очень приятно познакомиться, мы не будем? – предположила Лена.

– Ну почему? – не согласился Денис Васильевич. – Мне приятно познакомиться с автором такой книги.

А Лена вдруг поняла, что ситуация скорее комичная, чем трагичная, и рассмеялась, вот на раз-два и непонятно почему! И задорно призналась:

– Я так долго мечтала взять у вас интервью, поговорить, посмотреть ваши работы! Но, увы, вы слишком недоступны!

– Я не даю интервью, Елена?..

– Алексеевна, – подсказала она и спросила:

– А почему?

– По нескольким причинам...

К ним подошел официант. Проигнорировав меню, они заказали воду, кофе и вернулись к беседе.

– Странно, – призадумалась Лена, – как так получилось, что мы до сих пор не познакомились. Мы же посещали одни выставки, общались с одним, довольно узким кругом людей, и нас не представили. Ну, предположим, не сложилось, и вашего фото нигде нет, но моя фотография есть в Интернете, и не только на сайте журнала, вы могли бы меня узнать.

– Я не сильно интересуюсь людьми, – слегка пожав плечами, признался Денис. – Мне интересна ваша работа, а смотреть фото, извините, нет.

– Но я могла вчера хотя бы предположить, что вы Арбенин! Не так много в Москве Денисов Васильевичей!

– Я думаю, мы не будем обсуждать вчерашнюю нашу встречу! – с нажимом произнес он.

– Денис Васильевич, – улыбаясь, предложила Лена, – а давайте обсудим! Посмеемся, пожмем друг другу руку и забудем о неловком происшествии! Чтобы это не мешало нам с удовольствием и искренне говорить о деле!

– Да все это ерунда, Елена Алексеевна, и нечего тут обсуждать! – недовольно и явно с предупреждением возразил Арбенин.

Она уж собралась возразить, скорее из вредности, спровоцированная этой его отстраненностью холодной, но более чем вовремя подошел официант, принес их заказ. Лена откинулась на спинку стула, пока официант расставлял на столе бутылки с водой, стаканы и чашки с кофе, рассматривала Арбенина и думала: «Какой закрытый, мрачный мужик! Как при этом он умудряется делать такие произведения искусства? Парадокс!»

Отпивая воды из стакана, Денис Васильевич перехватил этот Ленин изучающий взгляд, усмехнулся.

– Не нравлюсь я вам, – не спросил, констатировал.

– И не надейтесь! – отвергла оценку Лена. – Нравитесь, и еще как! Ваши работы – это... – Она развела руками, демонстрируя невозможность подобрать слова, чтобы в полной мере описать восхищение. – Это не просто гениально! Это что-то невероятное!

– Лена, почему вы все время воюете? – сбил влет ее пафос, ошарашив вопросом, Арбенин.

Ленка аж задохнулась от неожиданности, как рыба, выброшенная на берег. Выпучила на него глаза, забыв прибрать куда-нибудь руки, так и повисшие в воздухе.

А он, сделав глоток кофе, поставил чашку на блюдце и посмотрел на нее невинно-ожидаящим, даже скучающим немного взглядом, словно про погоду в Неаполе спросил.

Ей понадобилось несколько секунд, чтобы прийти в себя от растерянности, опустить руки, осмыслить это его простецкое «Лена» и сам вопрос.

Обнаружилось, что ответить ей нечего, – ничего подобного, никакой такой воинственности она за собой не замечала! Но он же обратил внимание! А он, между прочим, художник, да еще какой!

Сбитая со всех своих настроев, мыслей и толков толковых, она посмотрела за окно и неожиданно, без внутренних предупреждений и без всяких видимых причин, почувствовала такую огромную, как плита бетонная, усталость. Такую, что и обдумывать ее сил не было.

А он молчал, пристально рассматривал Елену Невельскую. Что он там думал? Пойди разберись!

– А знаете, – каким-то старческим голосом, без напора, без эмоций, сказала Лена. – К чертовой матери все это. Мне многие ваши коллеги говорили, что с вами нелегко беседовать. По большому счету интервью с вами мне уже и не нужно.

– Зачем же вы согласились на встречу? – чему-то нахмурился Арбенин.

– Всегда интересно поделиться с профессионалом своими находками, открытиями, узнать от него нечто новое, особенно если восторгаешься его работой. А разговора, Денис Васильевич, у нас с вами не получается. Думаю, если бы не вчерашняя встреча, то сегодня мы бы прекрасно пообщались к обоюдному удовлетворению. На работе я не воюю, я всех люблю и уважаю. И еще, как я сказала вчера вашему батюшке, я не желтая пресса и о личной жизни людей не пишу. Только если они сами считают нужным о ней рассказывать и эти факты имеют прямое отношение к теме. Вы зря так боялись со мной встречаться.

– Я читал ваши статьи. И в журнале, и те, которые вы писали ранее, работая в газете. Остро работали, бесстрашно, на грани фола, я бы сказал. Тогда вы и про личную, и про финансовую, и про криминальную жизнь писали.

– Денис Васильевич, – тем же состарившимся голосом спросила она, – а почему вы согласились со мной встретиться?

– Книгу вы написали хорошую. Мне захотелось познакомиться с равнодушным автором. И – как вы там сказали?.. – поделиться своими находками и открытиями и узнать что-то новое. Тем более вы человек не из «цеха», и вам многое по-другому видится, может, лучше и яснее.

Лена пригляделась к нему. Он злился. Что-то там ворочалось у него в голове, очевидно малоприятное, судя по напряженной позе, сведенным бровям и прищуренным темно-зеленым глазам.

– Такое ощущение, что мы с вами на похоронах и произносим надгробные речи, – постно заметила она.

– Это разочарование, Елена Алексеевна, – пояснил Арбенин отстраненным тоном. – Это когда ожидания не сбываются.

Лене захотелось посмеяться над глупой нелепостью их обоюдных претензий и разочарования, «когда ожидания не сбываются». Усталость, неизвестно откуда свалившаяся, никуда не делась, улеглась в сознании осадком, а вот настроение, как говорит Гришковец, улучшилось! И она решила переиграть это, испорченное с самого начала, деловое свидание заново, совсем по-другому! Так, как хотелось, мечталось Лене долгое время!

– А мы можем это исправить! – поделилась улучшенным настроением Лена.

– Как? – не выказывая особой заинтересованности, поинтересовался Денис Васильевич.

– Для начала плюнуть! – решительно утвердила госпожа Невельская. – И, как говорят в Одессе, смачно! Вы завтракали, Денис Васильевич?

– Так, перекусил, – скорее от неожиданности вопроса признался он. – Вы предлагаете поесть?

– Нет, вернее, да, но не здесь. В свете моего первичного заявления «А к чертовой матери все это!» предлагаю туда же задвинуть наше недовольство от знакомства, а заодно и политес с протоколом иже с ними. Приглашаю вас в гости, прямо сейчас. Мы вчера вечером экспериментировали в кулинарии и приготовили вкуснейшую кулебяку, есть чем угостить! Но главное, мне очень хочется показать вам фотографии, которые не вошли в книгу. Среди них есть совершенно уникальные вещи, вы таких, может, и не видели! Я их мало кому показывала. Например, поморские кадушки для вещей, там такая резьба! Поехали, а?

Она снова загорелась, зажглась оптимизмом. Ну, усталость, и что теперь? Да и бог с ней, потом разберется, откуда что взялось и объявилось. А не разберется – задвинет куда поглубже и будет жить дальше.

– А это удобно? – сомневался Арбенин. – Вы живете не одна?

– Я живу не одна, и это удобно! – спешила осуществить задуманное Лена.

– Ну, поехали, – не стал сопротивляться Денис.

Он ехал за ее машиной и размышлял.

Странная ситуация. И женщина странная.

Он читал все ее статьи в журнале и ждал их выхода, удивляясь, насколько точно она видит, понимает и освещает предмет, с любовью, проникновенно рассказывая о мастерах и их произведениях. Когда о старине, допетровской и более ранней, – погружает читателя своим описанием в атмосферу суровой, сдержанной красоты; в постпетровском времени – в легкую моцартовскую ажурность, иногда вычурность.

Заинтересовавшись автором, он порылся в Интернете и прочитал все ее давние газетные статьи и подивился еще больше. Экий крутой вираж: от талантливого, смелого, острого репортера с разоблачениями, яркими портретами персонажей, с бескомпромисснымковырянием в очень небезопасных, а порой и откровенно рискованных темах, и на тебе – история России! И так же ярко, сильно! На всю мощь душевную.

Намеренно не выясняя личных подробностей о ней, даже фото смотреть не стал, Денис представлял себе ее молодой, амбициозной, бесшабашной, опасно смелой, любящей рисковать, что в его понимании граничило с некой глупостью. Хохотушкой, влюбленной в жизнь, одаренной Всевышним талантом к писательству.

Почему-то ему так представлялось.

Книгу он прочитал дважды. И самым внимательным образом, с лупой, рассмотрел фотографии, выполненные на высоком уровне с большим разрешением и четкостью мелких деталей.

И переменял свое мнение об авторе, нет, скорее дополнил.

Было что-то в ее книге завораживающее. На общем фоне некой музыкальности построения фраз, описывающих предметы и работу мастеров, сквозила грусть и печаль по безвозвратно утраченным навыкам-умениям, элементам мастерства и истинное переживание о самой профессии, практически похороненной, забытой.

И ему захотелось встретиться, поговорить с ней, понять, что за барышня такая.

Он волновался отчего-то, когда ждал ее, – вот честное слово! Правда, он всегда волновался, встречаясь, знакомясь с женщиной. У него это не очень-то получалось, как-то коряво и девушкам не нравилось.

Такой вот уродился.

Но здесь другой случай, встреча подразумевалась профессиональная и деловая, а не личностная, и понятно, что он «музыку заказывает»...

Когда Денис ее увидел, в первое мгновение подумал, что это случайность и она совсем не та, кого он ожидает, ну, тоже пришла в это кафе, чего не бывает!

И разозлился, поняв, что это именно она, – ёшкин кот!

Ну что за невезуха!

Переступить через первое впечатление, сложившееся вчера от «девушки с цветком», непонятно какое впечатление, не осмысленное, но нервирующее, он никак не мог! Уговаривал себя мысленно остыть и все наблюдал за ней.

Ну вот странная она, что хотите с ним делайте!

Напустила на себя вчерашнюю, чуть надменную саркастичность, снисходительно предложив «обсудить, посмеяться и забыть», и настаивала недовольно, когда он отказался

обсуждать. Брызнула преувеличенной хвалебной восторженностью и вдруг сникла после его вопроса, имевшего определенное намерение – сбить с дамы эдакий флер надменности.

Сбилась, о чем-то задумалась, и Денис, внимательно наблюдавший за ней, увидел, как напозла и накрыла ее волна какой-то темной усталости, словно сломалось что-то в ней. В глазах, вместо только что скакавших искорок задора, появилась непомерная тяжесть, ему казалось, что она даже постарела, осунулась в пару секунд, как будто сгорела вся.

Да что с ней такое?

Арбенин обругал себя старым идиотом! Что полез, зачем задевал? Он же про нее ничего не знает! Денису тошно стало и от себя самого, и от нее, и оттого, что не сложилось это их интервью. Она заговорила пустым, равнодушным тоном, он отвечал, стараясь держать ровность голоса, чтоб еще чем не обидеть.

Это она правильно сказала: «Как на похоронах».

Ему захотелось сбежать, распрощаться с ней как можно скорее и уйти от этих ее глаз усталых, голоса потухшего. И еще как-то загладить свою вину, извиниться, что ли.

Но эта непредсказуемая Невельская и тут его удивила.

Неожиданно, без всяких переходов, как переключилась с минуса на плюс! Нет, никуда не делась та грустная тяжесть в глубине глаз, но поверх нее вдруг запрыгали искорки интереса. И ошарашила приглашением.

А уж когда упоминала про резьбу древнюю и фотографии, так совсем чертята в глазах расплясались.

Если честно, он находился в недоумении, ехал за ней и спрашивал себя: «Ну и что это все значит? Что за кульбиты такие? Да еще домой пригласила?»

А вот этого он как раз и не умел! Разбираться, ковыряться в чувствах, эмоциях всяких, в сложных ощущениях и уж тем более в психологических рассуждениях о них. А еще он думал о лифте.

Дом, в котором проживала Елена Алексеевна «не одна», Денис хорошо знал, несколько раз побывав в гостях у маминой подруги Зои Львовны. Дом старый, малоэтажный, и лифт в нем такой же древности, большой скрипучий железный короб, почти всегда неработающий. Ему нетрудно подняться и по лестнице, но Денису совсем не хотелось, чтобы госпожа Невельская обратила внимание на его хромоту.

Можно, в свете этой проблемы, лишний раз призадуматься о собственных комплексах и неумении анализировать свои чувства, а не только удивляться поведению спутницы. Но Денис привычно послал куда подальше все эти анализы, тем более что они уже вошли в подъезд.

Он глянул поверх ее головы на двери лифта, – двери порадовали новизной агрегата.

В напряженном каком-то молчании они поднялись на этаж. Первой заговорила Лена, нарушая возникшую неловкость, позвонив в дверь квартиры два раза и открывая ее ключом.

– Условный сигнал, – пояснила она, – на всякий случай. – Распахнула перед Денисом дверь и радушно пригласила: – Проходите!

Разумеется, на тот самый условный сигнал Васька вышел встречать Лену в прихожую.

– Знакомьтесь, – взялась представлять Лена, проходя за Денисом в квартиру и закрывая дверь. – Василий Федорович, а это Денис Васильевич.

Васька степенно, по-мужски значительно протянул ладошку, утонувшую в широченной ручище Арбенина.

– Это с вами Лена интервью полгода добивалась? – выяснял Васька.

– Со мной, – признался Денис, не покаянно за длительность уговоров.

– И что, не получилось? – продолжил выяснения пацан. – Что-то быстро вы закончили.

– Мы решили продолжить дома за компьютером, а заодно и позавтракать, – спасая гостя от вездливых Васькиных вопросов, поспешила разъяснить Лена.

– Это правильно! – поддержал решение Васька и направился в кухню. – Нечего по всяким общепитам ерунду есть, желудок портить. Дома надо питаться. Ну, проходите, что вы там застряли! – поторопил их уже из кухни.

– А сколько ему лет? – наклонившись к Лене, тихо спросил Денис.

– Мне тринадцать, и я все слышу! – отозвался из кухни Васька.

Денис стушевался! С детьми он как-то не умел, впрочем, как и с дамами, и с выражением чувств-эмоций. А Лена рассмеялась:

– Ничего, привыкнете! Поначалу все пугаются большой умности и рассудительности Василия Федоровича.

– Не пугаются, Лена, а удивляются, я ж не чудище какое!

– Проходите, Денис Васильевич, а то он так и будет оттуда реплики подавать, – пригласила еще раз Лена и потянула его за локоть.

Денис двинулся за ней, но с большой долей сомнения – мальчик, которого почему-то зовут Василий Федорович! Он понятия не имел, как надо с таким мальчиком общаться.

А Васька уже налил и включил чайник и засовывал в микроволновку разогревать большую тарелку с кулебякой, упомянутой Леной.

– Садитесь, – отдал он распоряжение вошедшим.

Лена подключилась к накрытию стола – салфеточки, чашечки-блюдца, ложечки, вазочки с вареньем, тарелки, вилки-ножи под кулебяку. Денис сел на указанный стул и осмотрелся. Кухня большая и уютная, современная, он бы назвал свое ощущение от обстановки: теплое. И Елена здесь расслабилась, улыбалась открыто, без какого-либо подтекста, – может, прошло то неприятное, тяжелое, что накатило на нее в кафе?

Пока Денис осматривался, приглядывался, Лена с сыном успели накрыть на стол, мальчик Василий Федорович достал из печки блюдо с угощением и по кухне распространился совершенно фантастический, дурманящий запах домашних пирогов.

– Есть хочется, – как бы соглашаясь с кем-то, призналась Елена Алексеевна, раскладывая по тарелкам кулебяку.

Василий расположился напротив Дениса, придвинувшись со стулом вплотную к столу, так что упирался в него грудью.

– Лена говорила, что вы великий художник, – начал застольную беседу Васька. – Преувеличивает или и вправду великий?

Денис растерянно уставился на пацана.

Мамаша странная, а сынок и того хлеще!

– Не тушуйтесь, Денис Васильевич, Василий Федорович у нас всегда так изъясняется, без подтекста и прямолинейно, как танк в бою.

Денис отхлебнул чаю, стараясь осторожно брать небольшую фарфоровую чашечку, рассматривая мальчишку, с удовольствием уплетающего пирог и запивающего его, прихлебывая, чайком из большущей кружки.

– А можно мне подобную кружку? – спросил вдруг Денис. – Я маленькие не люблю.

– У меня есть еще одна, – кивнул Васька и начал вставать, громко отодвигаясь от стола вместе со стулом.

И Дениса отпустило напряжение в паре с недоумением, когда он отметил это мальчишеское движение, а еще веселый вихор у него на макушке.

– Так вы не ответили, – поставив перед гостем кружку и наливая чай, допытывался пацан, – великий или так себе?

– Я не художник, скорее столяр-плотник, – глядя на поднимающуюся жидкость в кружке, вступил в диалог Денис.

– Это господин Арбенин скромничает, Васька, – не удержалась, само собой, Ленка. – Он краснодеревщик, и художник, и такие прекрасные вещи делает! Я ж тебе показывала, ты сам видел!

– А где вы ему показывали? – подивился Денис.

– Она меня на выставку таскала, – ответил за Лену Васька, устраиваясь по новой за столом, задвигаясь вместе со стулом. – Там всякого добра полно было, и ваши два кресла. А еще у нее полный комп фоток, там тоже ваши вещи есть. Да, и еще каталог ваших работ.

– Тогда тебе судить, какой я мастер.

– Мне очень понравилось, – солидно оповестил Васька.

– Вообще-то Василий у нас товарищ продвинутый в мебелиной теме. Пока я ею занимаюсь, он изучил материалы, прослушал мои индивидуальные лекции и прочитал статьи, – пояснила уровень Васькиных знаний по теме Лена.

– И книгу, – добавил к списку Васька, – в рукописи, а потом уж в книжке со всеми картинками.

– И как тебе книга, Василий Федорович? – спросил Денис заинтересованно.

– Классная, что ж тут скажешь, – пожал плечами Васька. – Лена у меня тоже талантливая, не вы один.

– Это точно, – сдержал улыбку Денис.

Ему с каждой минутой становилось уютнее и спокойнее, и что-то теплое, приятное устраивалось, ворочаясь внутри. И почему-то казался нереальным, как стоп-кадр или застывший снимок из чужой жизни, настоящий момент.

Кухня эта, плывущая во времени, залитая мягким, приятным светом из абажурной люстры, дурманивший запах домашнего пирога, огромная красная кружка с нарисованными веселыми человечками на боках у него в руке, серьезный, не по годам рассудительный мальчик, его смеющаяся мама, глядящая на сына с нескрываемой любовью.

Как у жаркой печки длинным зимним вечером, когда за окном вьюга и мгла, а в доме тепло, безопасно в кругу близких, и кто-то читает малышам древние сказки.

Денис не умел про чувства, и раскладывать их на составляющие и побуждающие причины не умел, но рядом с теплом, обосновавшимся внутри, тек звонкой печальной струйкой ручеек грусти по этой картинке не из его жизни, по тому, чего у него нет.

Но он не умел про чувства ни говорить, ни размышлять.

Чувствовать умел, все остальное – нет!

– Давайте еще кусочек, Денис Васильевич? – предложила откуда-то издалека Лена.

А он и не заметил, как все съел, зачарованный моментом и размышлениями.

– С удовольствием, – согласился он, подставляя тарелку. – И знаете, Елена Алексеевна, давайте по именам, без отчеств, а то сплошной официоз.

– Согласна, Денис, давайте без отчеств, – поддержала она.

– Но я что-то так и не понял, – встрял Васька. – Вы интервью-то Лене дали или зажали?

– Зажал, – разулыбался Денис. – Я, Василий Федорович, разговоры разговаривать не очень люблю. Предпочитаю дело делать руками и головой.

– Я бы посмотрел, как вы это руками делаете, – признался Васька мечтательно. – Я все у Лены допытывался, как это у них получается? Берут дерево и такие из него кренделя выделывают, только держись! И заворачивают, изгибают, а резьба всякая! И, это, как его?.. Шчас, слово такое... – Он наморщил лоб, постучал по нему пальцем.

Лена с Арбениным переглянулись, и Денис задержал на ней взгляд. Как она похорошела, надо же! Наверное, действительно сильно устала от чего-то, а дома отдыхает, успокаивается, даже помолодела, и глаза такие...

– Вспомнил! – отвлек его от мыслей и созерцания женщины Васька. – Маркетри! Вот как это называется, наборная мозаика из разных пород дерева! Так красиво!

– А я тебе покажу, Василий Федорович, – поразил заявлением Арбенин. – Цеха своих мастерских покажу, где, что и как происходит, весь процесс, если тебе интересно.

– Мне интересно! – заворуженно кивнул Васька. – Правда покажете, что ль?

– Обещаю.

– А мне, мне покажете? – потребовала Ленка участия.

– Обязательно. Приезжайте с сыном, когда вам удобно. Созвонимся, договоримся, и приезжайте.

– Не может быть! – не менее заворуженно, чем Васька, смотрела на Дениса Лена. – Вот так просто? Берите и приезжайте в мастерские Арбенина?

– А что тут сложного? – удивился он.

– Да, господа, Денис, я мечтала посмотреть ваши работы неизвестно сколько! – сумбурно попыталась растолковать она, махнула безнадежно рукой, подскочила с места. – Идемте! Я покажу, что у меня есть из вашего!

Он неторопливо, привычно рассчитывая и экономя движения, поднялся из-за стола. Степенно поблагодарил:

– Спасибо за угощение, очень вкусно.

– Пожалуйста! – шустренько поднялся и Васька, вновь проделав процедуру шумного отодвигания вместе со стулом. – С вами пойду. Тоже хочу вместе посмотреть.

Они проторчали у компьютера больше трех часов, голова к голове. Арбенин смотрел фотографии обстоятельно, дотошно, много спрашивал, что-то пояснял сам, а вскоре они совсем уж погрузились в профессиональную терминологию, да так увлеклись, что не замечали ничего вокруг.

Васька, просидев с ними первые полчаса, тихо свалил заниматься своими делами, несколько раз заглядывал, звал чай пить, перекусить, они отвечали нечто невнятное, типа «Сейчас, сейчас!», не отрываясь от экрана.

Василий Федорович вздыхал театрально-красноречиво, ворчал «Спелись» и уходил. Так бы и до ночи просидели, не явись Васька на сей раз с серьезными намерениями.

– Ну, вы как дети, ей-богу! – проорал он у них над головой.

– И что случилось? – нехотя отрываясь от созерцания «картинок», спросила недовольно Лена.

– Ничего не случилось! Давным-давно обедать пора, – отчитывал Васька. – Зоя Львовна уже три раза звонила, хочет зайти, да тебя от работы отрывать стесняется.

– Зоя Львовна? – переспросил Денис.

– Зоя Львовна! – сообщила Лена.

И они с Денисом посмотрели друг на друга, осмысливая информацию.

– А в чем дело-то? – прочухав в момент дела непонятные, требовательно спросил Васька. – Ну, Зоя Львовна, и что такого?

– Видишь ли, Василий Федорович... – замялась необходимостью объяснять Ленка и в ожидании поддержки посмотрела на Дениса.

Сдерживая улыбку, он на просьбу о поддержке ответил непонятным движением головы, не то одобрил, не то «решай сама». Не удержавшись, Лена сделала ему «страшное» лицо и повернулась к Ваське:

– Э-э-э, Денис... Васильевич – это тот господин, с которым меня вчера пытались познакомиться!

– Ах во-о-от оно в чем дело! – как чекист, добившийся чистосердечного признания врага, протянул Васька и «с чистой душой» продолжил допрос: – И что? Вы не хотите, чтобы она вас видела вместе и выводы делала?

– М-да, – изволил заговорить Арбенин, – ты все правильно понимаешь, Василий Федорович.

А Васька разулыбался ехиднейшим образом, скрестил руки на груди и посоветовал, как бывалый товарищ:

– Ну, тогда бегите. Потому что я ей сказал, что через полчаса сто пудов оттащу Лену от компа и она может приходить.

– Васька! – пожурила Лена.

– А что! Я ж не знал, что у вас тут такая лабуда замутилась!

– Ничего не замутилось! – воспитывала Лена. – У нас работа!

– Ну да! – не воспитался Васька. – Про то, что вы друг другу не понравились, я знаю. Так что насчет побега?

– Предпримем, – согласился с дельным предложением Арбенин, поднимаясь со стула.

– Я провожу! – подскочила вслед за ним Лена.

– Давай, давай! – веселился Васька. – Я прикрою! Скажу, что ты пошла провожать важного человека, выказывая подобающее уважение.

– Василий Федорович, не перегибай! – утихомиривала Лена разгулявшегося весельем сына.

Провожала она Дениса аж до машины, в которую и села вместе с ним, и Денис даже отъехал подальше от подъезда, окон и заинтересованных взглядов из них, продолжая так некстати прерванный разговор:

– Лена, вы собрали совершенно уникальную, обширную коллекцию снимков, грамотно ее выстроили в ретроспективе. Я искренне потрясен! Профессиональный взгляд – фасады, боковины, задние стенки, крепления, детали фурнитуры, на каждую вещь целый пакет детальных снимков!

Почему вы в книге использовали только фасадный снимок, редко дополняя боковой съемкой?

– Это все-таки популярная литература, а не специальная.

– Вот, – подтвердил непонятно что Денис, – именно. Надо выпустить отдельным изданием все ваши снимки. В книге своей вы использовали хорошо если десятую часть.

– То есть еще одну книгу? – не поняла она.

– Нет. В смысле, да. Но не книгу, а альбом снимков. Большого формата, с хорошо пропечатанными кадрами на весь лист и кратким описанием изделия: кем, когда и где они созданы, с описанием использованных при изготовлении техник, приемов, материалов.

– Но я не специалист, Денис! Я не обладаю такими специальными и глубокими знаниями, – возразила, горячась, Лена.

– Обладаете, и побольше многих горе-мастеров, – не согласился Арбенин.

– Да это абсурд! – разнервничалась отчего-то Ленка. – Да, я многое узнала, изучила, может, и побольше историков-искусствоведов этой тематики, но я ни черта не знаю про техническую составляющую! Как это делается, методы, профессиональные приемы самой работы, в конце концов!

– Я вам помогу, если понадобится, – окончательно ошарашил Ленку Арбенин. – Вам не надо детально описывать всю работу, кратко, энциклопедично: используемые приемы, особенности. То есть нечто вроде наглядного материала с краткими пояснениями.

– И кому такой альбом понадобится? – совсем уж растерялась она его напору.

– Многим, – спокойно убеждал он. – Мне, например. И всем специалистам в нашей области. Разумеется, у нас есть учебная литература, историческая, профессиональная, каталоги именные, всякая. И те же фотонаработки свои. Но не было... как бы это сказать?.. обобщенного, что ли? Нет. Полного. Вот. Полного, глубокого обзора развития мебели, стилей, течений. Сведения есть, но разрозненные и давно морально устаревшие, и тем более нет таких подробнейших и качественных снимков. И, поверьте мне, многое из того, что вы мне показали сегодня, ни я, ни мои коллеги не имели возможности видеть. Мы, естественно,

даже ездим по городам, музеям, выставкам, но то, что смогли снять вы в частных коллекциях, в маленьких музейчиках, в глубинке, да просто в домах людей, которые сохраняют старинные вещи, – это уникально! И нам недоступно. Мы с руками оторвем такой альбом! Сколько бы ни стоил! А стоять он должен весьма дорого, чтобы не потерялось качество фотографий. Пусть небольшой тираж, но это нужно сделать, и просто варварство какое-то скрывать такие материалы!

– Да я не скрываю, – лепетала обескураженная его горячностью Ленка. – Вам ведь показала.

– Не все, – сухо заметил он, подивившись собственному неожиданному красноречию. Прямо декламатор. Чтец прозы, ёшкин кот!

Раньше Денису не доводилось толкать столь длинную горячую, эмоциональную речь.

Но его злость разобрала, аж до потрохов, до того, что хотелось встряхнуть хорошенько эту Невельскую! Сидит на сокровище и семечки от незнания щелкает, поплеывая.

– Давайте так, Лена, договоримся, – продолжил он деловым тоном, приказав себе остыть, – вы приедете ко мне, захватив все свои снимки, я покажу, что есть у меня, мы попробуем нескольким работам дать описание. Я – технические и специальные обозначения, а вы сложите их красиво во фразы. Тогда и решим, получится ли что-нибудь из этой идеи.

– Вы меня совершенно огорошили, Денис! – призналась Лена.

– Да я и сам... – помолчал и добавил: – Удивлен.

– Ладно, – выбиралась из темы и эмоций Лена, – у меня там ребенок обеда требовал.

Денис посмотрел на нее непонятым, нечитаемым взглядом несколько секунд и улыбнулся:

– У вас замечательный сын.

– Я тоже так считаю, – ответила она искренней улыбкой.

– Ну что, до свидания, Лена? Я позвоню вам завтра.

– Завтра? – переспросила недоверчиво.

– Завтра, завтра, – чуть ворчливо подтвердил он. – А то вы умотаете в командировку какую и идею задвинете. А я не дам.

Лена выбралась из высокого джипа, как-то неудобно, бочком и полусоскоком, захлопнула дверцу и сунулась в открытое окно:

– А вы настойчивый, господин Арбенин.

– Да, – кивнул он, – это я умею. До завтра.

– До завтра, – попрощалась она и отошла от машины.

И еще стояла некоторое время, смотрела вслед удаляющемуся большому джипу.

Чудеса-а-а-а!

А она на него наехала, с ходу, по закрепившейся привычке, все женское превосходство выказывала, а он вон какой оказался...

Настоящий, что ли?

Она улыбнулась задумчиво и вдруг переполошилась от неожиданно пришедшей мысли: «Он же не взял у меня ни одного номера телефона!»

Разочарование холодной водицей окатило от макушки до ступней ног, схлынуло, и журналистка Невельская смогла спокойно соображать, удивляясь, чего это она так реагирует-то!

«Этот Арбенин, если ему понадобится, любой телефон узнает, а хоть и президентский!»

И что удивительно, не чувствуется в нем ни напор настырный, ни нахрапистость, ни проницательность – спокойная уверенность, несуетность, нечто такое в характере, что чувствуешь себя рядом защищенной, что ли, понимая: если он что обещал...

– Бе-бе-бе! – воркнула на себя Ленка вслух. – Запуталась я! Такое в характере.

И, вспомнив про Ваську и Зою Львовну, ждавших ее, поплелась домой, крайне собой недовольная.

Завтра не наступало так долго!

Сначала Ленке пришлось выдержать кухонные посиделки с Васькой и любимой соседкой. Обедом называлось мероприятие, совмещенное с обсуждением субботнего события.

А начал Васька. Кто же еще?

– Что, Зоя Львовна, решили мою Лену сосватать? – в лоб шпарил он вопросами.

– Да, – покаянно вздохнула Зоя Львовна. – Анечка уверяла меня, что получится замечательно. А что, Леночка, вы поняли, что мы вас с Денисом познакомить хотим?

– Да, это даже «усу» не в меру целебному понятно было! – засмеялась Лена. – У вас с подругой напрочь отсутствует склонность к лицедейству.

– Ой! – перепугалась Зоя Львовна. – Вам неприятно? И Денис нас, наверное, тоже рассекретил.

– Да, сразу! – не успокоила развеселившаяся Ленка.

– Нехорошо вышло, – совсем опечалилась соседка, – он этого не одобряет!

– А что, имелись прецеденты? – заинтересовалась Лена.

– Имелись, – вздохнула, как в преступлении призналась, Зоя Львовна. – Понимаете, Леночка, Денис, как бы это сказать?..

– А прямо! – предложил Васька.

– Да, да, Василий Федорович, прямо лучше всего, – улыбнулась Зоя Львовна. – Денис замечательный, просто прекрасный человек, но у него такой характер с детства. То есть характер у него тоже замечательный, – поспешила она реабилитировать сына друзей, – но трудный для общения с другими людьми, особенно с девушками. Он в детстве никогда не плакал, вообще, и не жаловался родителям никогда. Придет с улицы побитый, в порванном пальтишке, Аня с Васей – что да как, а он отмалчивается, скажет «Ничего, сам разберусь».

– И что, разбирался? – увлеченно любопытствовал Васька.

– Да, вы знаете, разбирался! – гордо оповестила Зоя Львовна. – Эдакий мужичок. И в кого такой пошел?

– Ну и хороший характер! – вынес вердикт Василий Федорович.

– Хороший-то он хороший, но Денис очень закрытый человек, а людям необходимо общаться, делиться переживаниями, говорить о чувствах, выражать эмоции.

– Мне он не показался до такой уж степени закрытым, – поделилась мнением Лена.

– А вы с ним побеседовали? – оживилась Зоя Львовна.

– Так, совсем немного, – стрельнув на Ваську взглядом, ушла от прямого ответа Лена. – Мило попрощались.

Васька тихонько хмыкнул, но от комментариев воздержался.

– Вот видите! – по-своему поняла Ленин ответ Зоя Львовна. – Прощайся, и все! Ни поговорить, ни легкую беседу поддержать. Девушкам он кажется мрачным, угрюмым, слова лишнего не скажет, комплиментом не порадует, отмалчиваться предпочитает.

– А что с ними разговаривать, Зоя Львовна? – делился жизненными наблюдениями Василий Федорович. – Ты им только скажи что приятное, они себе такого нафантазируют, не расхлебашь!

– Васенька, а ты откуда это знаешь? – искренне подивилась Зоя Львовна.

– Да читал, в популярной психологии, у Лены есть. И опыт имею.

– Ну-ка, ну-ка, что там за опыт такой? – живенько отозвалась на реплику Лена.

– Ты же знаешь, я у девочек пользуюсь популярностью.

– Ах да, Оленька Трубенцова в тебя влюблена.

– Глупости все это, «влюблена», – передразнил Васька. – Ей тринадцать лет, какая любовь?

– Тебе, смею напомнить, тоже не двадцать пять.

– Вот и я про это! Им скажешь: ты симпатичная, а через полчаса она уж уверена, что вы встречаетесь!

– С ужасом представляю, что меня ждет, когда тебе исполнится лет шестнадцать!

– Все будет хорошо, Лена, не переживай! – успокоил Васька и вернулся к начальной теме:

– Так что прав ваш Денис, нечего с девушками лишние разговоры вести!

– В том-то и дело, Васенька, что он никаких не ведет! У него была девушка, они почти три года прожили вместе, но расстались. Так она иногда Анечке жаловалась, что с ним очень трудно. Он невероятно много работает, а когда они вместе, то ни поговорить, ни планами поделиться. Она что его ни спросит, он «да» или «нет», а она старалась Дениса разговорить, приучить к общению. Анечке тяжело было это слушать, тем более что девушка называла его бесчувственным.

«Дура! – возмутилась влет Ленка. – Дура, клиническая притом! Ты же с ним жила, ты что, не видела, какую он красоту делает?! «Бесчувственный»! Идиотка, вот точно!»

– А почему они расстались? – пытался Васька.

– Ну, я подробностей не знаю, да и никто не знает, Денис, разумеется, о таких вещах не говорит, но Анечка подозревает, что девушка встретила другого мужчину, – смущаясь, призналась Зоя Львовна.

– Разговорчивого, – кивнул понимающе Васька.

– Наверное. Ну вот Анечка и решила, что надо Дениса с кем-то познакомить, раз ему самому недосуг.

– И со сколькими претендентками его уже пытались познакомить? – напряглась отчего-то Ленка.

– Вы, Леночка, пятая. Не обижайтесь, – выдав очередной тяжкий, повинный вздох, призналась Зоя Львовна.

– О как! – неприятно подивилась Ленка. – И что, ни с одной из них любовь не состоялась?

– Да что вы! – махнула обреченно ручкой соседка. – Денису это ужасно не нравится, он требует Анечку прекратить, даже грозился, что приезжать перестанет. Я убеждала Анечку, что некорректно вмешиваться в жизнь взрослого сына, но она и слушать не хочет, говорит – потом простит. Вот даже меня уговорила на аферу. Я им про вас, Леночка, много рассказывала, вот она и ухватилась за вашу кандидатуру. Уж извините, я понимаю, вам неприятно было.

– Извиняю, – кивнула Лена, – ерунда все это, Зоя Львовна, не берите в голову.

Зое Львовне Лена могла простить все что угодно, хоть покушение на жизнь президента Зимбабве!

Когда они с Васькой переехали в этот дом три года назад, с Зоей Львовной познакомились сразу, еще когда осматривали квартиру.

Соседка стала для них ангелом-спасителем! Лена втайне подозревала, что послал ее им в помощь сам Бог, не иначе! Может, в награду за все те мучения и мытарства, которые они с Васькой прошли.

Сие останется тайной, известной только Творцу, но то, что Зоя Львовна святая, – это точно!

Основной головной болью и проблемой Лены стал вопрос, с кем оставлять Ваську при ее-то работе, загруженности и постоянных командировках. Родители в тот момент по ряду причин отпадали категорически, на них она не рассчитывала.

Она крутила и так и сяк, подумывая уже отказываться от командировок и даже поменять работу. И о няне или, скажем, домработнице задумывалась. Словом, перебирала все возможные варианты.

А тут, как-то поздно вечером, зашла к ним соседка. Зоя Львовна. Накануне в редакции Лена получила три билета на элитарную выставку мебели. Два для них с Васькой, а третий ей дали в расчете на мужа или бойфренда.

Уж чего в хозяйстве не имелось, так вот этого! Но Лена отказываться не стала, а предложила билет милой соседке, которая уже не раз им с Васькой помогала – то ремонтников запустить-выпустить, то слесарей дожидаться или перевозку вещей.

Пойди найди таких соседей в наше время! Общешься!

Лена все старалась отблагодарить как-то за помощь и внимание, но Зоя Львовна от подарков отказывалась категорически, настаивая, что это нормальная соседская взаимопомощь.

Лена решила пойти другим путем: небольшие «комплименты» – билеты в кино на премьеру, в театр, вот на выставку.

– Леночка, я зашла спросить, как вы завтра планируете пойти на выставку?

– Заберу Василия Федоровича из школы, привезу домой, вернусь на работу, а часов в шесть заеду за вами обоими, – огласила она расписание дня.

– Леночка, вы меня простите, конечно. Но можно спросить: зачем вам мотаться туда-сюда? Давайте я Васеньку заберу из школы и приведу домой?

– А вам это не трудно? – осторожно начала Лена.

– Да что вы! – оптимистично уверила соседка. – Школа в десяти минутах ходьбы. Я с удовольствием прогуляюсь с Васенькой. Он у вас совершенно необыкновенный мальчик!

– Вы меня очень выручите, Зоя Львовна! – от избытка чувств сцепив руки в замок, порадовалась Лена.

На следующий вечер, вернувшись после выставки, они сидели втроем в кухне, делились впечатлениями, гоняли чай, и неожиданно Зоя Львовна сказала:

– Леночка, вы очень много работаете, и я хотела предложить вам одну идею.

– Работать меньше? – предположил Васька.

– Нет, – мягко улыбнулась Зоя Львовна и погладила его по голове. – Я могла бы забирать Василия Федоровича из школы, приводить домой, кормить обедом и быть с ним до вашего возвращения с работы.

– Зоя Львовна... – даже растерялась от такого фантастичного «подарка» Лена. – Но у вас свои дела, заботы.

– Да что вы, Леночка, какие заботы? – отмахнулась Зоя Львовна. – Я совершенно одинокий человек. У меня никого нет из родственников, только двоюродные племянники, но они живут не в Москве. Мы и с родителями их не были близки, а с ними практически и не общаемся, так, перезваниваемся раз в год, а то и реже. Мне еще далеко до семидесяти, пока не старуха и, слава богу, здорова и хорошо себя чувствую. У меня нет никакой загруженности и особых дел, только хобби, встречи с подругами, прогулки. И, знаете, очень хочется быть еще кому-то полезной, нужной. А вышивать крестиком и вязать я прекрасно смогу и перед вашим телевизором.

Ленка слушала ее зачарованно, открыв рот и никак не могла поверить в возможность такой удачи.

– Я вам зарплату буду платить! – бухнула она первое, что пришло в голову.

– Да господь с вами! – возмутилась Зоя Львовна. – У меня вполне приличная пенсия, я, знаете, отношусь к разряду элитных пенсионеров, да и мой покойный муж был академиком, и я кое-что получаю и за него, как вдова. На жизнь безбедную и даже прихоти мне вполне хватает. Не станем омрачать деньгами хорошие отношения.

– Я не знаю, что сказать! – призналась Ленка, сдерживая слезы. – Я поверить не могу!
– Лена, не плачь! – сурово распорядился Васька. – Зоя Львовна, вы бы нас с Леной, конечно, очень выручили, но просто так это не делается.
– Что значит «просто так»? – удивилась соседка. – А как делается, Васенька?
– Взаимно, – растолковывал он. – Если вы беретесь нам помогать, то и нам должны разрешить помогать вам.
– В чем же? – мудро улыбалась Зоя Львовна.
– А во всем! – постановил Васька. – В жизни! Просто во всем, как родные!
– Хорошо, – кивнула Зоя Львовна, подумав. – Я согласна!
– Мы тоже согласны! – решил за них обоих Васька. – И спасибо вам большое, а то Лена совсем извелась.

Дамы дали волю непрошеным слезам, и так в их жизнь вошла Зоя Львовна. Когда Лена уезжала в командировки, Зоя Львовна перебиралась в их квартиру, чтобы находиться с Василием постоянно. Она не спрашивала о причине Лениной чрезмерной опеки сына, ее страхов и категорического нежелания оставлять его одного хоть на пару часов, принимая все как есть. Зоя Львовна никогда не задавала Лене или Ваське вопросов про личную жизнь или, скажем, про Васькиного отца, не выпрашивала и не любопытствовала. Так же как и о непростом отношении Лены с ее родителями и их непонятной холодности к внуку. Она с Василием ездила летом к ним на дачу погостить, когда приглашали, и даже на несколько недель, но и с ними не вела никаких разговоров об их семейных взаимоотношениях. А родители так и подавно не рвались обсуждать эти темы.

Святая – никаких сомнений!

Поэтому Лена относилась к ней как к близкому члену семьи и могла простить Зое Львовне все что угодно, хотя причин для какого-либо прощения или непонимания не возникало ни разу.

Смотри утверждение первое – святая!

Но сегодняшним вечером Ленка поймала себя на том, что тяготится этим застольным разговором. А еще больше – обсуждением Дениса. Ей хотелось побыть одной, подумать, осмыслить небывалые открытия сегодняшнего дня.

Что она и прodelывала с сомнительным успехом ночью, после того как Зоя Львовна ушла, а Васька улегся спать.

Она ждала с нетерпением, с внутренней суетливостью завтрашнего дня, но, возбужденная, никак не могла заснуть, выбралась из кровати и блуждала по темной квартире, то улыбаясь, то хмурясь своим мыслям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.